

TORONTO PUBLIC LIBRARY

37131 162 372 015

MAS Maria A. Shchuka

Долинина

Мы с Серёжкой близнецы

Dolinina, N.

Мы с Серёжкой близнецы.

ЧЕТВЕРТЬ

Наталья Долинина

Мы с Серёжкой близнецы

Москва
ЭНАС-КНИГА
2014

УДК 82-3
ББК 84-44
Д64

Художник Е. ВОЛОДЬКИНА
Оформление серии Е. ВОЛОДЬКИНОЙ

Долинина Н. Г.

Д64 Мы с Серёжкой близнецы / Наталья Долинина ;
худож. Е. Володькина. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2014. –
176 с. : ил. – (Пятая четверть).

ISBN 978-5-91921-233-1

Восьмилетние близнецы Маша и Серёжа всё делают вместе – ходят в школу, учат уроки, гуляют во дворе, болеют свинкой. Они кажутся такими одинаковыми, но на самом деле у ребят очень разные характеры. И они постоянно доказывают это окружающим!

Для детей младшего и среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-233-1

© Н. Долинина, наследники. Текст, 2013
© Е. Володькина. Иллюстрации, 2013
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2013

Часть первая

ОСЕНЬ

Мы с Серёжкой

Меня зовут Маша, а моего брата – Серёжка. Мы близнецы. Раньше, когда мы были маленькие и ходили в одинаковых пальто, нам очень нравилось, что на улице все спрашивают маму: «Они у вас не близнецы случайно?» И Серёжка всегда отвечал: «Нет, я на двадцать минут старше». А мама не любит, когда про это спрашивают. Она всегда хмурится и хочет поскорее уйти. Это, наверное, потому, что многие говорят: «Вы подумайте, близнецы, а живут. Неужели оба здоровенькие? Удивительно!»

Теперь мы с Серёжкой тоже не любим, когда про это заговаривают. Но взрослым надо отвечать вежливо. Поэтому Серёжка объясняет сразу: «Да, близнецы. И оба живы. Удивительно, правда?» И тогда у нас больше ничего не спрашивают.

А вчера мы пришли к доктору Кораблёвой, и Серёжка мне шепчет:

– Сейчас спросит про близнецов...

А она ничего и не спросила. Только говорит:

– Вам сколько лет?

Я отвечаю:

– Позавчера восемь исполнилось.

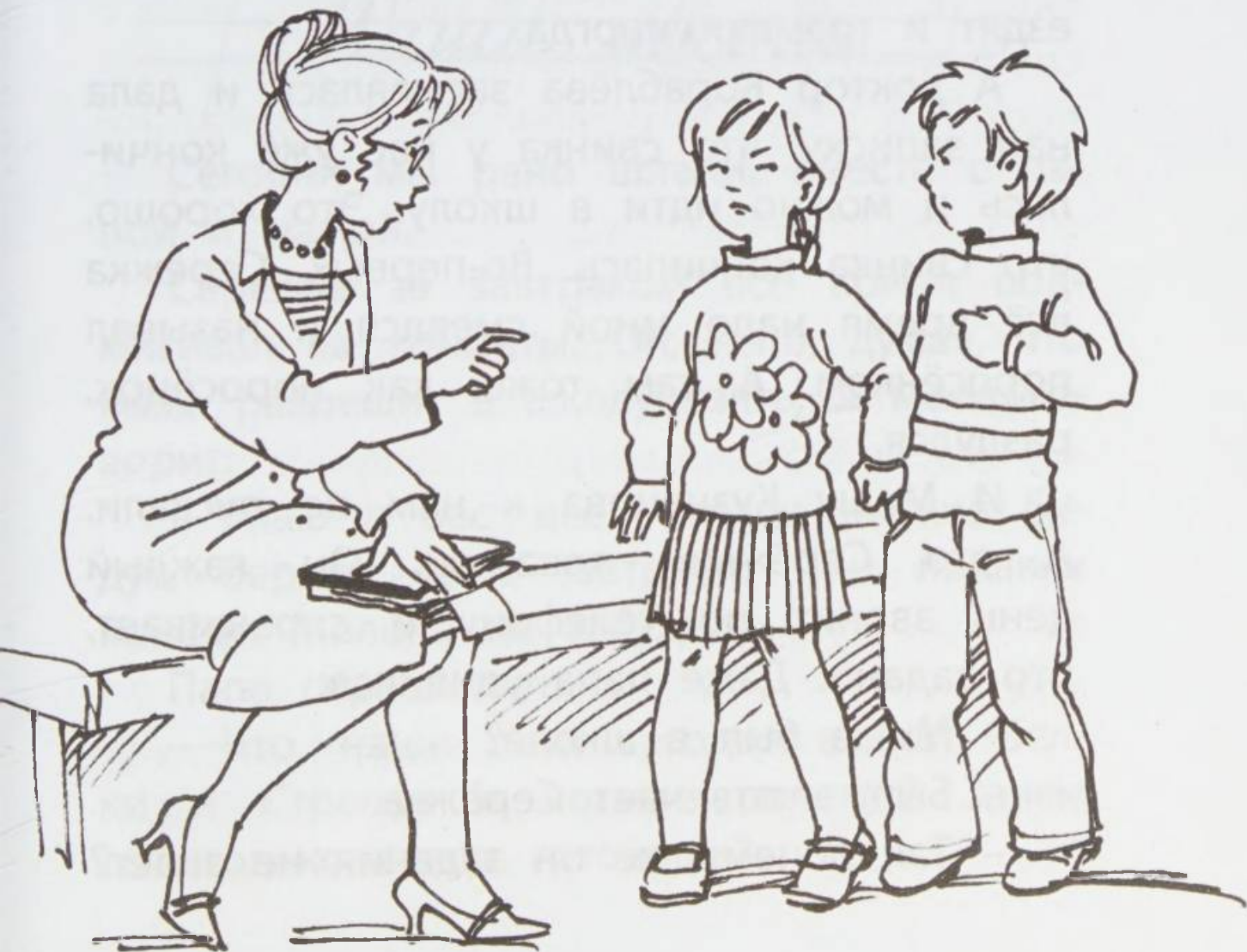
А она:

– Дерётесь часто?

Я ничего не ответила, а Серёжка сказал:

– Маша этого заслуживает.

Тогда я его тихонько толкнула в бок, а он меня изо всей силы в подбо-

родок. Доктор Кораблёва что-то пишет, а мы дерёмся. Тут она голову подняла и спрашивает:

– Это что за пыхтение?

Мы перестали драться, но я Серёжке всё-таки поддала. А доктор говорит:

– Вы что же, одни пришли?

– Одни, – отвечает Серёжка.

– А по дороге дрались?

Мы удивились. Зачем же мы будем по дороге драться? Серёжка говорит:

– На улице не дерутся. Там машины ездят и трамваи иногда.

А доктор Кораблёва засмеялась и дала нам записку, что свинка у нас уже кончилась и можно идти в школу. Это хорошо, что свинка кончилась. Во-первых, Серёжка всё время надо мной смеялся и называл поросёнком. А сам тоже, как поросёнок, раздулся.

И Мишу Кузнецова к нам не пускали. А это Серёжкин товарищ. Он каждый день звонит по телефону и спрашивает, что задано. Даже папа удивился:

– Миша был в школе?

– Был, – отвечает Серёжка.

– Так почему же он задания не знает?

Я говорю:

– Папа, он каждый день звонит.

А Серёжка посмотрел на меня сердито и объясняет:

– Что ты понимаешь? Это он из-за дружбы звонит. Ясно?

А мне, например, Галя Беликова из-за дружбы не звонит. Ну, ладно, я у неё теперь буду каждый день спрашивать, что задано.

Наша школа

Сегодня мы рано встали, вместе с папой и мамой.

Серёжка за завтраком всё время подмигивал на конфеты. Он, ясно, думал, что мама разрешит в школу взять. А мама говорит:

– Знаю я вас: все тетради липкие будут. Берите свои завтраки – и никаких конфет. Молоко не забудьте.

Папа спрашивает:

– Что, наши дети сегодня вместо Белки и Стрелки в космос полетят? Зачем ты столько снеди готовишь?

Мы с Серёжкой засмеялись, а мама рассердилась:

– Сколько раз я тебе объясняла, что на родительском собрании всем велели приходить с завтраком и с молоком.

Папа ничего не ответил, а Серёжка, конечно, влез: мы не грудные, нам соска не нужна, и вообще, зачем брать завтрак на какие-то четыре часа... Тогда мама ему сказала:

– Не твоё дело судить о поступках учителей. Понял? Тем более Мария Тимофеевна такая у вас хорошая.

Серёжка спрашивает:

– Разве учительницы бывают нехорошие?

В это время папа закашлял, а мама говорит:

– Конечно, не бывают. Но Мария Тимофеевна – особенно хорошая. И стыдно её огорчать. Например, некоторые тройки зарабатывают...

Ну, тут уж ничего не поделаешь: правду мама говорит, тройки мы получаем, особенно я – по арифметике.

Пошли мы в школу. Школа у нас молодая. Ей будет в этом году пять лет. Это значит, что мы уже жили, а школы

ещё не было. Её построили, когда нам было три года. Так объяснила на уроке Мария Тимофеевна. Скоро будет праздник – юбилей школы. И поэтому никто не должен получать двойки. Это тоже Мария Тимофеевна сказала.

И вот мы идём в школу после свинки. Погода очень хорошая, и настроение у нас тоже хорошее, потому что по школе мы соскучились. Идём мы медленно, торопиться некуда. И вдруг Серёжка мне:

– Зачем они говорят, нехороших учителей не бывает? А сами кашляют. Но разве Тыкалка хорошая?

Тыкалка – наша учительница пения. Это мы её так прозвали, потому что она никого по фамилии не зовёт. И по имени, конечно, тоже не знает. «Ты, девочка!», «Ты, мальчик!» А больше никак. Раньше, в первом классе, у нас папа Карло был – и мы очень пение любили. А потом пришла Тыкалка. У папы Карло даже гаммы весело пелись, а у этой – как молитвы: «до – ре – ми – фа – соль – ля – си – Господи спаси...» Это Галя Беликова придумала, она теперь тоже пение не любит. И Мишка Кузнецов не любит. И весь класс.

– А ещё... – говорит Серёжка, – зачем мама так: «Не твоё дело судить...» Конечно, Мария Тимофеевна очень хорошая, не то что Тыкалка. Только она нас за маленьких считает.

А я так думаю: чьё же это дело судить о поступках учителей? Ведь они нас учат, а не родителей. Мы их лучше и знаем.

– О чём ты, Маша, думаешь? – спрашивает Серёжка. – Молчишь и мне не отвечаешь.

– Потому что взрослые не понимают, – говорю я. – Ну, ладно, бежим скорее, а то нам ещё решить надо, как дальше жить будем.

И в школьном дворе мы обсудили, как будем теперь учиться – на одни пятёрки. И на уроках не будем разговаривать. И Серёжка не будет драться со своим лучшим другом Мишей Кузнецовым.

Когда мы пришли в школу, там никого ещё не было. Мы сели в раздевалке и стали ждать наших ребят. А Серёжка сказал, что как же я буду учиться на одни пятёрки, если не знаю таблицу умножения. Я говорю:

– Кто не знает?

Серёжка отвечает:

– Ты не знаешь. Комарова Маша.

А я его толкнула легонечко и говорю:

– Нет знаю. Это ты не знаешь!

Тогда он меня тоже толкнул – и мы, конечно, подрались. И вдруг слышим:

– Смотрите, Комары пришли! И опять дерутся!

Это, оказывается, Миша Кузнецов явился. Мы сразу перестали драться, и Серёжка говорит:

– Ты, Кузнец, иди в класс. Я сейчас.

А когда Миша ушёл, Серёжка мне косу заплёл, потому что она расплелась, пока мы дрались. А при Кузнецове он стеснялся: никто в классе не знает, что наш Серёжка умеет косы заплетать.

Как Серёжка спекулировал

Мы сегодня решали трудные задачи, и мне некогда было на Серёжку смотреть, тем более он на другом конце класса сидит. А в конце урока я посмотрела и вижу: Серёжка совсем Марию Тимофеевну не слушает. Вертится на парте, что-то из портфеля вытаскивает, в карман перекладывает... А мама только сегодня утром нас спрашивала: «Ничего постороннего в школу не несёте?» Я сказала, что не несу, и Серёжка тоже сказал. Неужели он маму обманул? Интересно, что у него в карманах? Только я это подумала, а Мария Тимофеевна спрашивает:

– Комарова Маша, какой у тебя получился ответ?

Я встала и не знаю, что говорить. А тут как раз звонок прозвенел, и Мария Тимофеевна нас на перемену отпустила.

Я побежала в коридор и стала ждать Серёжку. Стою, стою – все ребята вышли из класса, а Серёжки нет. Уже снова зво-

нок прозвенел, опять надо на урок идти, а Серёжка ещё из класса не вышел.

Пришла Мария Тимофеевна, впустила нас в класс – смотрю, Серёжка наш на парте сидит спокойно. Так я и не узнала, что он из портфеля вынимал.

И на всех переменах он пропадал куда-то. А после уроков говорит:

– Идём, Маша, я тебе дома что-то покажу.

И я, конечно, побежала скорей. А дома оказался папа: его с работы отпустили, потому что он завтра в командировку уезжает.

Папа и спрашивает:

– Что это у вас носы такие радостные? По пятёрке получили?

А Серёжка достаёт из портфеля целую кучу марок и говорит:

– Смотри, папа, какие у меня вещи есть...

И мы втроём стали разбирать Серёжкины марки. Только мне не очень было интересно, потому что я не марки собираю, а картинки с конвертов. Но папа даже про утюг забыл – он собирался брюки свои гладить. Так бы утюг и стоял, наверное, но я всё-таки выключила.

А папа говорит:

– Дай-ка мне, Маша, спички и папиросу.

И тут Серёжка бежит к своему столу, вытаскивает из ящика все свои спичечные коробкí (он их раньше собирал) и суёт в портфель. Папа спрашивает:

– Ты что это делаешь?

А Серёжка:

– Я, – говорит, – их в школу отнесу, одному мальчику отдам – ведь они мне не нужны.

Папа его похвалил:

– Правильно, отдай товарищу.

А Серёжка объясняет:

– Он мне за это яблок принесёт...

Папа даже папиросу выронил.

– Ты что же, – говорит, – торгуешь, что ли, спичечными коробками?

– И не торгую вовсе, – отвечает Серёжка, – а спи... спе-ку-ли-роваю.

– Что?! Где ты слово-то такое услышал?

А я тут только и догадалась:

– Серёжка, ты потому и на переменах пропадал? Ты ску... скепулировал, да?

Тогда папа посадил Серёжку на диван и потребовал:

– Ну, братец, объясняй всё. И где ты был во время перемен, и как ты спекулируешь.

Но Серёжка ничуть не испугался. Мы только маму боимся, потому что она как закричит! А папу мы не боимся, но всё-таки слушаемся. И Серёжка объяснил всё.

– На переменах, – говорит, – я никуда не ходил. Мы с Сашей Бубновым под партой сидели, чтобы нас не заставили в коридор идти.

Папа спрашивает:

– И что же вы там делали, под партой?

– Мы договаривались, – отвечает Серёжка. – Мне Саша Бубнов на уроке записку написал. Вот она.

И достает бумажку. А там написано: *«Коморов, отдай яблоки и завтрак а я тебе марки дам».*

– Грамотеи, нечего сказать, – говорит папа. – Так ты марки за завтрак купил, что ли?

– Ну да, – объясняет Серёжка. – Я весь урок печенье из портфеля в карманы перекладывал, чтобы потом отдать... А больше у меня ничего нету. Спичечные коробки только, но они ему не нужны, Саше Бубнову.

Серёжка замолчал – и папа тоже молчит. И я молчу. Тогда Серёжка опять говорит:

– Ну, я и решил отдать коробки одному мальчику – он их собирает. А он мне завтрак даст. А я этот завтрак – Бубнову. А Бубнов ещё сказал: «Правильно. Мы с тобой такую хорошую спекуляцию сделаем...»

Папа закурил опять и вдруг спрашивает:

– Ты есть хочешь?

– Хочу, – говорит Серёжка.

– Ну, тогда давай сюда твой автоматический карандаш. Марья, выдай ему за карандаш кусок хлеба. Маслом намазать?

– А чего... карандаш?

– Как чего? Я спрашиваю: маслом намазать? Если хочешь с маслом, то отдавай револьвер. А за колбасу – пистоны.

Серёжка говорит:

– Ну, папа...

А папа нисколько не смеётся. Он смотрит на Серёжку совсем не ласково.

– Спекулировать так спекулировать. Выходит, мы с матерью на старости лет вас даром кормим, да? Придётся переучиться.

– Папа, – говорю я, – вы не старые. Вам только двадцать девять лет.

– Ничего, с таким сыном довольно скоро будем старые. Ну, что же ты? Где карандаш?

– Я, – говорит Серёжка, – не знал. Я совсем и не думал. И Бубнов не думал...

– Ничего подобного, – отвечает папа. – Марья, ты зачем ему вчера свою лупу подарила? Почему ты у него взамен ничего не потребовала? Отдавай, Сергей, лупу. Или тащи что-нибудь взамен.

Тут Серёжка как заплачет.

– Ну, папа, я же понял! Не надо больше так...

– Ах, ты понял! – говорит папа. – Так вот, отправляйтесь на улицу, ищите своего Бубнова и объясните ему, что спекулянт – это самый последний человек. Ясно?

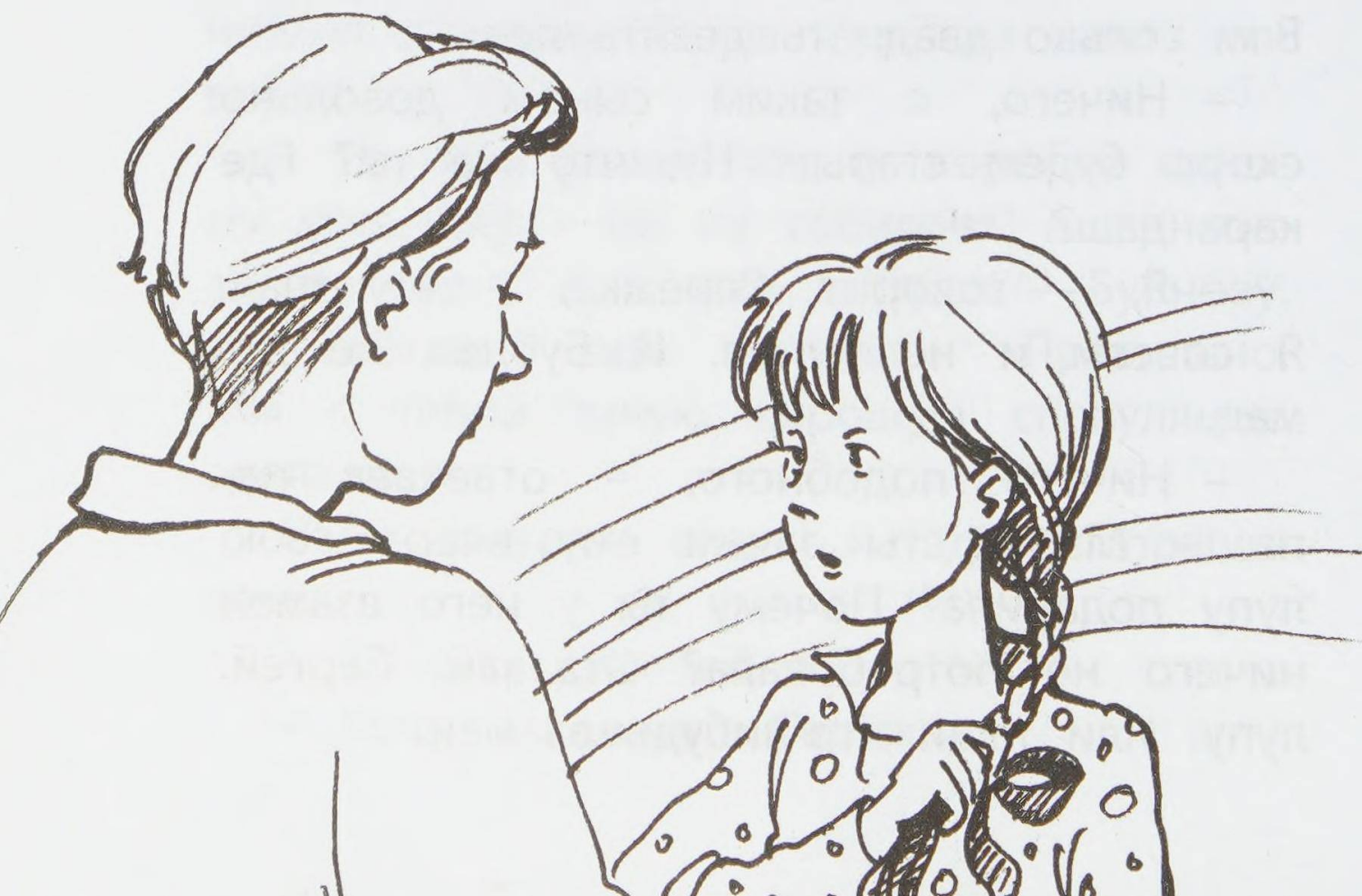
– Ясно, – сказал Серёжка.

И я тоже сказала:

– Ясно.

Серёжка пошёл, а меня папа поманил пальцем и говорит:

– Вот что, Маша. Ты не вздумай только Сергея дразнить... И вообще не напоминай ему всю эту историю.

Я, конечно, обещала не дразнить и пошла за Серёжкой во двор искать Бубнова. А сама думаю: какой папа странный – неужели я своего родного брата буду последним человеком звать?

Нам скучно

Сегодня воскресенье. С утра так весело было, а сейчас скучно. Утром мы с мамой в ЦПКиО ездили. На санках катались, падали – смеху было! Потом пообедали в столовой и скорее вернулись домой: мама в библиотеку побежала. Она хоть и работает в детском саду воспитательницей, но по вечерам в институт ходит. Учительницей хочет стать.

А папа работает на заводе – в конструкторском бюро. Он турбины делает. И сейчас поехал в командировку – турбину какую-то пробовать. Серёжка знает, что такое турбины, а я нет. Папа нам вместе объяснял, но я всё равно не понимаю, как это можно за письменным столом турбину сделать. А мама говорит, что у папы на работе тишина, и поэтому

он такой спокойный, когда дома в наш с Серёжкой ад попадает. У мамы в институте хоть и взрослые люди учатся, но шуму тоже хватает. А уж про детский сад и говорить нечего – мы сами ходили, знаем, какой там вечно гвалт стоит. И мама поэтому нашего с Серёжкой шуму выносить не может.

Вообще-то они нас любят, конечно, мама и папа. Но только по-разному. Папа, например, Серёжку никогда не целует, а меня очень редко. А мама каждую минуту готова обниматься, когда, конечно, не сердится. Но Серёжка очень этого не любит – он ведь мужчина. И говорит маме: «Ну, довольно. Хватит, пожалуйста».

И ещё мама нас называет по-всякому: и Машунечка, и Серёженька, и Машенька, и Сергунчик. А папа меня зовет Марья, а Серёжку – Сергей. А ещё Комаров. Он хоть и сам Комаров, но Серёжку так называет. А нас вместе – «теоретики». И «пустые головы» – это когда сердится. А мама, когда сердится, то кричит и всякие слова произносит. «Оболтусы», например, или «растяпы», или ещё «наказание мое», «горе мне с вами».

Когда мы были маленькие, то считали, что мама и папа тоже близнецы. И Серёжка очень был доволен, что ему не надо будет жену искать: вот она я, в одной комнате живём. А теперь он хочет, чтобы я за Мишку Кузнецова замуж вышла. А мне Мишка вовсе не нравится. Пусть лучше Серёжка на Гале Беликовой женится. Но мама говорит, что это всё глупости и нечего о таких вещах думать.

Скучно... Бегать нельзя, шуметь тоже – тётя Надя рассердится, наша соседка. Серёжка что-то из «Конструктора» делает, а я так сижу.

– Маша! – говорит Серёжка. – Скучно что-то.

– И мне скучно.

– Ну, давай в прятки играть!

– А тётя Надя?

– Мы тихонечко!

Ну, конечно, мы вышли в кухню и нечаянно зашумели. И сразу тётя Надя бежит:

– Что это за дети такие? У людей дети тихонькие, как мышоночки, а эти, господи боже мой, то воду зачем-то льют, то доски колотят... Воля им большая дана.

И то сказать, родители молодые, глупые, самих ещё учить надо...

Когда тётя Надя про нас говорит, мы ничего, слушаем. Но как она про папу с мамой начнёт, Серёжка меня всегда уводит. И сегодня тоже. «Пошли, – говорит, – Маша. Нечего нам здесь стоять». Это, конечно, невежливо, но разве вежливо про папу с мамой плохое слушать?

Пришли мы в свою комнату – опять делать нечего. И вдруг слышим: дверь в передней хлопнула, мама идёт. Мы, конечно, побежали её встречать.

Мама у тёти Нади спрашивает:

– Почта была?

Это у неё теперь каждый день такой вопрос. А раньше, когда папа ещё не уехал, она только в дверь войдёт: «Папа дома?» И папа тоже: «Где мать?» И только потом спросит: «Ну, теоретики, как дела?» А тётя Надя этих вопросов очень не любит.

– Была твоя почта, – говорит. – Вон она на столе лежит. И чего каждый день можно писать – не пойму. Всё у вас не как у людей.

А мама и не слушает тётю Надю. Она даже пальто не сняла: стоит посреди кух-

ни и читает папино письмо. Тётя Надя говорит:

– Вы, небось, при матери смирные. Посмотрела бы она, что без неё-то делали. Срам один!

– Почему срам? – спрашивает Серёжка. – Мы в прятки играли.

– Ишь ты, уже научился отвечать взрослым. Ясное дело – такое воспитание. Чего от вас ждать, если вы нахально дверь захлопываете у старого человека перед носом!

Мама сложила письмо, засунула в конверт и спрашивает:

– Серёжа, что это значит? Почему вы захлопнули дверь?

– А чего она говорит: вы с папой глупые...

– Я тебя просила не говорить о старших «она».

– Ну, тётя Надя. Какая разница!

– А конечно, глупые! – говорит тётя Надя. – Вот, пожалуйста, дети не кормлены сидят, а мать письма читает. Это умно, да? Подумаешь, нашлась влюблённая пара...

– Надежда Петровна, – говорит мама, – зачем вы так? Всё-таки это мои дети...

– Твои, твои, кто отнимает. Сама ты ещё дитя неразумное.

Мама тоже, как Серёжка: не дослушала и увела нас в комнату.

Серёжка спрашивает:

– Мам, а чего она... тётя Надя тебя дразнит?

– Как дразнит?

– Говорит: влюблённая.

– Ну и что же?

Я говорю:

– Вы ведь с папой женаты. А женатые не бывают влюблённые.

Мама засмеялась:

– Откуда ты взяла?

– Не знаю. Кто-то сказал.

– Это неверно, Машенька. Женатые как раз и бывают влюблённые. Ну, хватит разговоров. Давайте ужинать.

Убрали мы с Серёжкой весь развал, что без мамы сделали, поужинали и легли спать. А мама пошла день вычёркивать. У неё над столом специальный календарик висит: сколько дней до папиного приезда. И она каждый вечер один день вычёркивает. Вычеркнула – и села заниматься.

Галля Беликова

У нас в классе многие Гале Беликовой завидуют. Она, во-первых, красивая. Косы у неё не то что у меня, во все стороны, а длинные, жёлтые. И глаза большие, голубые. И передник шерстяной, а воротнички всегда кружевные. И ещё у неё настоящая шуба – беличья. Мама у неё

тоже красивая, высокая такая. Но все равно наша мама лучше. И учится Галя всегда лучше всех. И в музыкальной школе занимается. Вот почему ей многие завидуют.

А я не завидую. Я её люблю, Галю Беликову. Мы с ней с первого класса дружим, с первого дня. В тот день, как уроки кончились, почти все мамы и бабушки пришли за своими детьми. А наша мама, конечно, не пришла: зачем это, если у нас ключи есть? Но Галина бабушка очень заволновалась и говорит:

– Пойдёмте, деточки, со мной, я вас провожу.

А Серёжка ей:

– Пожалуйста, мы сами можем вас проводить, потому что вы уже не очень молодая.

С тех пор мы с Галей подружились. Теперь её бабушка не встречает, потому что мы вместе в школу и из школы ходим. Только просит Серёжку, чтобы он на улице получше присматривал за Галей, а то она очень рассеянная. Но это неправда. Она весёлая и добрая, наша Галля. И совсем не рассеянная.

Я её люблю, Галю Беликову. И ещё я её жалею. Потому что дома у них скучно до чего! Кругом салфеточки, дорожки, коврики, везде чисто – нигде нельзя поиграть. И разговоры такие скучные: «Галочка, уроки сделала?», «Галочка, кушать хочешь?» А наши папа с мамой вообще слово «кушать» выносить не могут. Они считают: надо говорить «есть». Папа у Гали не знаю, где работает. Его никогда дома нету. Я его всего один раз видела: серьёзный такой. И тоже спросил у Гали: «Ты уроки сделала?» Как будто ничего нет на свете важнее уроков!

Сашка Бубнов очень всегда дразнит Галю – прямо изводит. Он её по-всякому

обзывает: и «маминой дочкой», и «бабушкиной внучкой», и «буржуйкой». Потому что Галя ничего не умеет делать. Но она же не виновата, если ей бабушка не позволяет. У них вообще ничего не разрешается трогать. «Не тронь, разобьёшь!», «Оставь, сломаешь!», «Садись за рояль!» – только и слышно. А Галя на Сашку не сердится, хоть он её и дразнит. Она добрая.

Но я не люблю к Гале ходить. У них все такие слишком уж вежливые. А Галя к нам – любит. И её, главное, отпускают. Никуда не пускают, а к нам – пожалуйста. Это потому, что её бабушке нравится наш папа. Она говорит: он хоть молодой у вас, а самостоятельный.

Сегодня в школе мне было скучно, потому что Галя заболела. И Бубнову, наверное, было скучно: дразнить некого. Он сегодня ни одного замечания не получил: на уроках не вертелся и в перемену не дрался. Даже Мария Тимофеевна сказала, что Комаров Сергей на него хорошо влияет. Потому что Серёжка теперь всё больше с Бубновым – даже Мишка Кузнецов рассердился. «Комаров, – говорит, – с двоечником связался, скоро сам

на двойках поедет и колами будет подгонять». И неправда! А сам всё равно Серёжке звонит и спрашивает, что задано.

После уроков я пошла к Гале. Серёжка – со мной. А Бубнов – с ним. Вот пришли мы, позвонили. Галина бабушка открывает дверь. Сначала обрадовалась:

– Здравствуйте, – говорит, – деточки. А Галочка наша прихворнула. Вы заходите, только близко к ней не садитесь, а то можете подхватить грипп. Прихворнула наша Галочка.

И в это время она Бубнова увидела.

– А тебе, – говорит, – что здесь нужно? Бубнов молчит, ничего не отвечает. А Серёжка за него:

– Он тоже к Гале пришёл.

Но бабушка этому совсем не обрадовалась.

– Ты, – говорит, – иди домой. У Галочки температура. Ей нельзя, чтобы много гостей. У неё температура. Иди домой.

Мне стало очень жалко Бубнова. А Серёжка тогда сказал:

– Я тоже пойду домой.

– Ну что ты, Серёженька, заходи, – отвечает бабушка. – Я как раз пирожок испекла.

И начинает Серёжке пальто расстегивать. Но он вырвался, застегнул опять пальто и ушёл с Бубновым. А я стою и не знаю, как быть: с Серёжкой мне уйти или Галя провести? А Галя из комнаты кричит:

– Маша, иди сюда!

Пришлось пойти. У Гали кроватка такая беленькая, не то что у меня – простой диван. И ночная рубашка с кружевами.

– Ты чего так долго раздевалась? – спрашивает Галя.

– Я не раздевалась. Я с Серёжкой пришла и с Бубновым.

– Так где же они?

– Их твоя бабушка не пустила.

– Почему?

– Не знаю. Она Бубнову сказала: иди домой. И Серёжка с ним пошёл.

Бабушка как раз входит с пирогом.

– Ты почему Бубнова не пустила? – спрашивает Галя.

– Какого Бубнова?

– Такого, что с Серёжкой пришёл.

– А зачем он пришёл? Ещё новое дело – каждого оборванца в квартиру пускать!

Это Бубнов – оборванец? И неправда! Серёжка тоже грязный. У Серёжки тоже

штаны вечно съезжают. И бахрома внизу висит. И рубашка вылезает. Это она потому, что Бубнов считается хулиганом. А он не хулиган. Он только Галю дразнит из-за этой самой бабушки.

Я говорю:

– Бубнов не оборванец.

И Галя тоже говорит:

– Бубнов не оборванец. Зачем ты его выгнала?

– Я его не гнала, – отвечает бабушка. – Я его вежливо попросила. И вооб-

ще, рано к тебе мальчикам ходить. А этого я не гнала.

Галя спрашивает:

– А Серёже можно?

– Серёжа ведь не один приходит, а с Машенькой. И он такой порядочный мальчик. Кушай, Машенька, пирожок. Сейчас молочка принесу. Кушай пирожок, деточка.

До чего мне вдруг противно стало! У нас никогда, никогда не говорят так: «пирожок», «молочко», «деточка». У нас совсем не такие все вежливые. Зато у нас Бубнова не выгоняют. Пришёл человек – и пришёл. Никто к нему не лезет.

Бабушка пошла за молоком, а я говорю:

– Галя, вот я уроки тебе принесла. Списывай скорее, что задано, а то мне некогда.

– Посиди, – говорит Галя. – До того скучно одной лежать! С бабушкой разве поговоришь – сама видишь...

Но я не стала сидеть. Мне Галя жалко, конечно. Но только пирогов ихних мне не надо. Пусть Галя скорее поправляется и приходит к нам. А я к ним – не хочу.

Генеральная уборка

Мы сегодня все проспали! Мама ночью нам тапочки шила для праздника – вот утром и не услышала будильника. А я услышала и кричу:

– Мама!

Она не отвечает. Я зову:

– Серёжка!

Он проснулся злой и шипит:

– Спи, чего раскричалась! Ещё ночь – видишь, темно!

Я и заснула. Просыпаюсь – мама меня трясёт и говорит:

– Скорее, Машенька, пятнадцать минут осталось!

Мы быстро оделись, поели и побежали в школу. А мама ещё до нас ушла.

Приходим мы с Серёжкой из школы – дома у нас некрасиво так. Кровати не убраны, на столе грязная посуда, корки хлебные... Обычно мы все вместе убираем ещё до ухода, а сегодня некогда было. Серёжка мне и говорит:

– Давай, Маша, вымоем посуду и всё уберём. Вот мама обрадуется!

Я спрашиваю:

– А водогрей как же?

Нам водогрей не разрешают самим зажигать.

– Подумаешь, водогрей! – отвечает Серёжка. – Во-первых, я его запросто могу зажечь. А во-вторых, мы и холодной водой вымоем, под краном.

Ну, начали мы убирать. Хлеб и все продукты в буфет поставили, пыль везде стёрли, пол подмели, а посуду отнесли на кухню и стали мыть. Серёжка моет, я вытираю. Хорошо так работаем!

Все чашки перемыли, за тарелки принялись. И всё удивляемся: почему их так много? Завтракали мы втроём, а сколько тарелок испачкали! Потом вспомнили: мама

не смотрела на нас, а мы взяли себе по три тарелки и с одной на другую кашу перекладывали, чтобы скорее остыла... Оказывается, это не так-то приятно – на трёх тарелках сразу есть!

Ну, что делать, приходится мыть! Вымыл Серёжка первую тарелку и даёт мне. А она противная такая, жирная...

Я и говорю:

– Серёжка, ты с одной стороны мыл или с двух?

– С двух, – отвечает Серёжка. – А может, с одной. Не помню что-то.

– Ну, вымой с другой теперь!

Взял Серёжка тарелку, повертел её и говорит:

– Так я же не помню, с какой стороны мытое, а с какой – нет.

Стали мы рассматривать тарелку – везде она грязная, со всех сторон.

Серёжка рассердился и кричит:

– Ну тебя! Это всё твои были выдумки на трёх тарелках завтракать. Мой теперь сама, а я вытирать буду.

Стала я мыть тарелку – ничего не получается. С одной стороны вымою – на другой уже жирные капельки появляются.

Я предлагаю:

– Серёжка, давай с мылом!

А Серёжка опять сердится:

– Ещё чего – с мылом! Давай лучше я водогрей зажгу. Мама обрадуется, что мы сами научились зажигать. Вот увидишь.

Ну, я чувствую, что Серёжка всё равно решил зажечь, и не стала спорить. Вот взял он спички, открыл водяной кран, повернул ручку от газа, которую мама поворачивает, спичку зажёг, поднёс к газу – а газ не горит.

– Ничего, – говорит Серёжка, – это он пока что набирается. Подождём минуты две.

Пошли мы к будильнику, две минуты постояли, вернулись в кухню. Опять не горит!

– Слушай, Серёжка, – говорю я. – Иди к тёте Наде: может, она дома.

Серёжка побежал, стучит – никто не открывает. Дёрнул дверь – заперто. Нет тёти Нади.

– Ну, что будем делать? – спрашиваю я у Серёжки.

– Ерунда, – говорит он. – Сейчас наберётся газ...

И вдруг как бросится к водогрею и давай принюхиваться.

Я спрашиваю:

– Чего ты нюхаешь-то?

А Серёжка:

– Понимаешь, Маша... Ты только не бойся – я сейчас форточку открою... Газ уже идёт, наверное. По-моему, идёт. Понюхай ты, пожалуйста...

А я слышу, что Серёжка со мной вежливо разговаривает, и мне до того страшно стало!

– Да ты не реви, – говорит Серёжка. – Чего реветь? Ты понюхай лучше!

Стала я нюхать – не пахнет никаким газом. Может, Серёжке показалось?

– Ничем не пахнет, – говорю.

– Много ты понимаешь! – кричит Серёжка. – Пахнет, да ещё как!

Только я собралась его стукнуть хорошенько, как зазвонил телефон.

– Да! – говорит Серёжка. – Здравствуй, Кузнецов. Сто тридцать четвёртый столбик задан. А по чтению – про белку. Я что делаю? Водогрей зажигаю. Что? Нет, не горит. Сам не знаю. И Машка не знает. Газ не идёт, понимаешь. А у вас идёт?

Серёжка положил трубку на стол и говорит:

– Кузнец пошёл узнавать, идёт у них газ или нет.

Слышим, в трубке трещит что-то. Серёжка схватил её и кричит:

– Ну? Как у вас?

А потом вылупил глаза и удивляется:

– Ох, до чего я глупый!

Повесил трубку и объясняет:

– Мы с тобой верхний кран не открыли. Который мама от нас закрывает. Вот газ и не идёт.

Повернули мы кран, поднесли спичку к газу – он сразу и загорелся: даже ни одной минуты не набирался. Вода сразу пошла горячая, тарелки мы вымыли, вытерли и начали в буфет ставить. А водогрей потушили.

Тут я Серёжку спрашиваю:

– Ты, значит, наврал, что газ должен минуты две набираться?

– Я наврал?

– Конечно, ты, кто же ещё...

– Я никогда не вру, а вот некоторые...

И тут Серёжка как толкнёт меня! Но драки не получилось, потому что в это время раздался звонок.

– Не открывай, – говорит Серёжка, – там, может, грабители пришли... Спроси, кто это звонит так громко.

А сам берёт папин молоток и бежит к двери.

Я спрашиваю:

– Ты зачем молоток взял?

– Сейчас я ему как тресну, – отвечает Серёжка, – тому, кто за дверью стоит...

А из-за двери голос раздаётся – весёлый и не страшный нисколько:

– За что же меня-то трескать, если я к вам на помощь пришёл? Это нужно того треснуть, кто без разрешения газ включает.

Мы с Серёжкой так и сели оба около двери. А потом Серёжка говорит:

– Что же ты сидишь? Открывай – это Ленгаз пришёл.

А дяденька из-за двери подтверждает:

– Правильно, Ленгаз. Открывайте скорей, мне некогда.

Открыли мы дверь – и дяденька из Ленгаза вошёл к нам в квартиру. Он молодой совсем, у нас в школе десятиклассники и то старше. И спрашивает серьёзно:

– Так кто из вас с газом баловался?

Я молчу, потому что я не баловалась. И Серёжка молчит. А дяденька говорит:

– Вот составлю акт, и будет ваша мама штраф платить за то, что у неё такие непослушные дети...

Тогда Серёжка пошёл в кухню и оттуда объясняет:

– А мы же ничего не сломали! За что штраф? И мы вообще не понимаем, акт какой-то... Мы не баловались, а мыли посуду. Вот посмотрите, я сейчас при вас водогрей включу и выключу...

– Ну, давай, – говорит дяденька.

А Серёжка схватил спички, быстро главный кран отвернул, зажёг водогрей – и даже банку из-под сметаны, про которую мы забыли, вымыл. А потом всё выключил. И спрашивает дяденьку:

– Зачем же нам штраф платить, если мы умеем с газом обращаться?

Тогда дяденька засмеялся и говорит:

– Да ты, я вижу, умный малый...

И в это время мы слышим: поворачивается ключ в дверях, и в кухню к нам влетает мама, вся красная, и берет на затылке еле держится.

– Ох, живы, кажется!

А потом увидела дяденьку из Ленгаза и сказала ему спасибо. Она думала, что этот дяденька нас от газа спас. Но дяденька честный оказался: объяснил маме, что мы с Серёжкой сами умеем водогрей зажигать.

А всё это, оказывается, Мишки Кузнецова мама натворила: она и Ленгаз звала, и нашей маме на работу позвони-

ла, что мы с газом балуемся. А мы разве баловались?

– Мама, – говорит Серёжка, – это, конечно, хорошо, что Миши Кузнецова мама о нас позаботилась. Но ведь если бы она по-настоящему хорошая была, то не стала бы трезвон поднимать, а сама бы к нам пришла – ей ведь недалеко. Правда?

– Ну что за наказание! – отвечает мама. – У всех дети как дети, а у меня какие-то теоретики. Но всё-таки это хорошо, что вы научились водогрей разжигать. Теперь можете без меня посуду мыть.

Часть вторая

ЗИМА

Бабушкина внучка

Очень мы с Галей любим петь песни.
Сядем вдвоём на диван и поём подряд.
Старинные особенно – «Орлёнок», «Зем-
лянка», «Дан приказ: ему на запад». Ещё
мама про «Варяга» знает, а мне никак
не запомнить, только и знаю:

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской.
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской.

А ещё она поёт: «Я в дело любое го-
това с тобою идти, не боясь ничего». Но мама редко поёт. Только когда мы с ней вдвоём в квартире остаёмся. У неё потому что слуха нет. Она людей стесня-
ется. А я никого не стесняюсь. Но взрос-
лые не очень-то любят, когда я пою.

– Врёшь ты очень, Марья, – папа го-
ворит.

А тётя Надя:

– Ну, завела свою сирену.

Сегодня хорошо. Дома никого нету. Серёжка где-то с Бубновым бегают. Уроков нам не задали, потому что суббота. Вот мы с Галей и поём. А радио нам подпевает. Как раз наши песни передают. Передача «про комсомол» называется.

Хорошо нам без взрослых. Но у тёти Нади сегодня тоже суббота – сокращённый день. И она пришла рано, стала свои кастрюли чистить.

– Чего, – говорит, – развылись? И без вас голова болит.

Пришлось нам идти в детский парк. Там ребят много, все смеются, на санках катаются, на коньках. А мы с Галей прошли по дорожке в самый угол – там никого нету. Солнце опускается, снег блестит.

Галя говорит:

– Маша, смотри, какой снег!

– Какой? Белый и блестит.

– Ну что ты, Маша! Смотри – вот здесь, правда, белый, а вон, под кустами, голубой, а на солнышке – розовый.

И правда – розовый. Я говорю:

– Галя, а почему ты всегда такое замечаешь, что я не вижу?

– А я долго смотрю, вот и вижу. Мне интересно на снег смотреть. И на небо.

Ещё, знаешь, летом хорошо лечь на траву и смотреть в небо. И чтобы дерево над тобой.

А я не смотрела никогда! С Галей интересно – она всегда что-нибудь придумает!

Сидели мы на скамейке, разные истории рассказывали. А потом пошли на каток. Смотрим – там наш Серёжка с Бубновым катаются. Галя говорит:

– Пойдём отсюда. Сейчас Бубнов дразниться начнёт.

Но они нас уже увидели. Подъехали и не дразнятся. Только Серёжка сказал:

– Пошли лучше с горки покатаемся. Тут большие ребята очень мешают: крутятся под ногами.

И мы стали с горки кататься. Вывалялись, конечно, в снегу, замёрзли и пошли домой. Галю бабушка ждёт у ворот и ругается. А нас никто не ждёт: папа с мамой ушли в кино.

Серёжка меня спрашивает:

– Она тебе сказала?

– Кто?

– Галька.

– Что?

– У неё отец ушёл.

– Куда?

– Ну, Машка, сейчас получишь! Ушёл совсем. Понимаешь?

– Нет, я не понимаю.

Как это ушёл? Куда? Но я молчу, потому что Серёжка злится.

– Отец с матерью разошёлся и уехал от них. Поняла?

– Ты врёшь!

– Честное октябратское!

– Откуда ты знаешь?

– Не могу сказать. Знаю. И Бубнов знает. Он потому Гальку и не дразнил сегодня. Он говорит, её теперь нельзя драз-

нить. Она теперь по правде осталась мамина дочка и бабушкина внучка. Вот.

– Серёжка!

– Чего!

– А вдруг... наши тоже?

– Нет, Маша, ты определённо глупая! Куда же они разойдутся? Галья у своих одна, она остаётся с мамой. А нас двое. Что же, нам с тобой разойтись?

Нет, мы с Серёжкой разойтись не можем. Но Галя... Как же она ходила, на снег смотрела... А может, она ещё не знала? Может, она как раз сейчас узнает? Была как все, а стала бабушкина внучка? Серёжка врёт, не может этого быть, такого ужаса, не верю!

Подлость

Что же мне теперь делать? Мамы нету дома, она в институте, а я не знаю, что мне теперь делать. Голову я Серёжке забинтовала, ранку промыла, он лежит на диване и делает шашки из пустых катушек. Говорит – не больно. Но ведь так же нельзя! Нельзя так!

Скорей бы дядя Игорь приехал. Это папин товарищ, самый лучший. У папы много товарищей, но дядя Игорь нам всем как родной. Он говорит, что выкормил нас с Серёжкой своей грудью. Смеётся, конечно. Я когда привела Серёжку домой, сразу позвонила дяде Игорю. Он сказал промыть, забинтовать и ждать, пока он приедет. А сам очень долго едет.

Так всё было хорошо – и так стало плохо. Сначала – Галя. Всё оказалось правда. Она сама мне сегодня сказала на первой перемене:

– От нас папа ушёл. Ты знаешь?

А я её обманула. Сказала, что не знаю. И теперь ещё хуже получается. Галя мне сказала никому не говорить. А теперь она думает: я всем разболтала. Мы когда с Серёжкой шли из школы, я его спрашиваю:

– Говори честно, ты откуда про Галю знаешь?

– Бубнов сказал мне и Кузнецову.

– А Бубнов откуда знает?

– Так он же на одной площадке с Галей живёт. Его мать на кухне говорила, а он слышал.

Я говорю:

– Серёжка, никому не надо про это рассказывать. Гале, знаешь, как будет неприятно...

– Ну что я, дурак, что ли? Да и Бубнов не скажет.

– А Мишка?

– И Мишка.

Пришли мы домой, пообедали, а тут как раз идёт к нам Мишка Кузнецов. Они с Серёжкой стали играть в шахматы, а ко мне пришла Галя. Мишка и спрашивает:

– Беликова, тебя отец бросил?

Галя сразу хотела обратно уйти, но я её не пускаю. Серёжка, я вижу, подталкивает Кузнецова, он опять:

– Чего толкаешься? Ну и будет Галька, как Бубнов, без отца – дело большое! У неё мать хорошо зарабатывает.

Галя заплакала, а Серёжка говорит:

– Молчи, Кузнец.

Лучше бы Серёжка сам молчал. Он, что ли, Мишкиного характера не знает! Тот сразу:

– Брошенная, выброшенная!

Тут я не вытерпела и говорю:

– Уходи от нас вон!

А Мишка:

– Я не к тебе пришёл.

Тогда я ему как тресну – он даже повалился. Мне самой удивительно стало, как я могла его так треснуть. А он кричит:

– Комаров, дай ей!

И стукнул меня изо всей силы прямо в ухо. Тогда Серёжка покраснел и говорит:

– Тебе сказали: уходи от нас вон!

Мишка очень удивился, и мы с Галей тоже. Потому что мы не думали, что Серёжка будет за нас.

И Мишка ушёл. А на прощанье сказал:

– Ну, ты ещё получишь за свою сестрицу. Тили-тили тесто, жених и невеста!

Дурак такой, разве можно нас с Серёжкой так дразнить! Мы же близнецы!

Когда он ушёл, Серёжка меня как стукнет!

– Из-за тебя, – говорит, – с товарищем поссорился.

А Галя тоже ушла – расстроенная и сердитая. Она, ясно, думает, что я всем разболтала. Так мне стало неприятно, и я уговорила Серёжку идти гулять. Сходили мы в детский парк, идём не спеша

мимо Мишки Кузнецова дома и на свои окна посматриваем: дома наша мама или нет.

Хорошо бы, думаем, сейчас во что-нибудь шумное поиграть. И вдруг из Мишкиных ворот голос:

– Вот этот!

И выскакивают двое здоровенных ребят – класса из пятого – и тащат Серёжку в ворота. Я – за ними. А они его как толкнут – прямо об стенку головой. Я, конечно, заорала изо всей силы.

И полезла к ним, одного ущипнула, а второго как укушу за руку – что же мне ещё делать? И взрослый никто не идёт!

Они, конечно, мне тоже поддали. А я упала – и только стала подниматься, вижу Бубнов Саша на одном коньке едет мимо ворот. Я как закричу:

– Наших бьют! Комарова Серёжку!

Бубнов сразу – к нам. И налетел как раз на какого-то дяденьку. А дяденька – за Бубновым. Большие ребята его увидели и удрали. Смотрю – и Мишка Кузнецов с ними. Ну, мы с Сашей всё-таки успели ему двинуть по одному разу.

Наш Серёжка встал, и мы пошли домой. Бубнов говорит:

– Больно?

– Нет.

– Ну, я пошёл.

Бубнов опять на своём коньке поехал, а Серёжка сразу заревел. Я спрашиваю:

– Чего ревёшь, если не больно?

– Обидно. И мамы боюсь.

А я как раз думаю: хорошо бы мама дома оказалась – ведь ему, может, всю голову проломали. И дома как раз никого нет, пришлось дяде Игорю звонить. А на

голове у Серёжки под волосами рана. Он просил промыть, а сам кричит:

– Волосы не дёргай!

Пришлось выстричь ему плешку, промыть и йодом залить. Ничего, не пищал. А сейчас он лежит и шашки делает из пустых катушек. А я не знаю, что теперь делать. Как же нам теперь быть с Мишкой Кузнецовым?

Ой! Звонок. Дядя Игорь пришёл.

– Ну, в чём дело? Кто это тебя?

А мы молчим. Что мы – ябеды, что ли?

– Сергей, покажи-ка голову.

Развязал дядя Игорь бинт, посмотрел.

– Ничего, – говорит. – До свадьбы заживёт. Вставай, сходим на всякий случай в поликлинику. Промыто правильно. Не плохо Марья Александровна справилась.

Это я – Марья Александровна. Серёжка спрашивает:

– А зачем в поликлинику?

– На всякий случай. Может, надо укол сделать, чтобы не было столбняка.

Только Серёжка встал – и как раз пришла Мишки Кузнецова мама. Дядя Игорь ей открыл, а она, наверное, подумала, что он наш папа.

– Ваши, – говорит, – дети избили моего мальчика.

А дядя Игорь не стал говорить, что мы не его дети. Он тихо-тихо с ней о чём-то стал разговаривать. А потом позвал меня и спрашивает:

– Маша, с чего началось? Только говори всю правду.

Я и сказала.

– Вот видите, – говорит дядя Игорь. – Я же вам сказал, что этим детям верю.

А она так вежливо отвечает:

– Ну, тогда извините.

Пришли мы в комнату, я и говорю:

– Дядя Игорь, что же делать теперь? Галя, во-первых, думает, что это я всем разболтала... А это Бубнов. И он не знал, что нельзя. А во-вторых, мы же не знали, что Мишка такой...

– Ничего, – говорит дядя Игорь. – Ты Гале скажи, что не ты разболтала – она и поверит. Вот увидишь: ведь ты же правду скажешь, значит, поверит. А Мишка...

– Дядя Игорь, – говорит Серёжка, – разве так можно? Я даже не понимаю, как это называется.

– Это, братец, называется подлость. Вот что! А мы и не знали.

Мы идём на лыжах

Папа, папа, папа приехал! Мы, конечно, все его встречали. И был праздник – все сидели за столом и ели пироги. И снег, папа говорит, уже глубокий. И мы! С па-

пой! Сейчас же! Поедем в Зеленогорск!
И будем! Ходить! На лыжах!

Папа говорит Серёжке:

– Дай-ка руку. Вот видишь?

И снимает пиджак. И сгибает руку.
А под рубашкой у него так и перекаты-
вается что-то.

– Это чего? – говорит Серёжка.

– Не чего, а что. Мускулы. Потому что
без мускулов получается не человек,
а мешок с рисом. Ясно?

Мы, конечно, засмеялись. Мешок с ри-
сом! А папа говорит:

– Теперь посмотрим, что у тебя.

Серёжка согнул руку. И я тоже согну-
ла. Только у нас почему-то не перекаты-
вается.

– Вот видите, – говорит папа, – у вас
кисель, а не мускулы.

– А у мамы?

Тут папа даже засмеялся.

– Ещё какие мускулы!

Мы пошли проверять маму, хотя она
совсем этого не хотела. Она только и до-
жидается, чтоб мы уехали: экзамен вчера
сдала, а сегодня всю ночь нам лыжные
одежки чинила. Но мы всё-таки упросили

и потрогали её руку: правда, не кисель. Потом мама легла спать, а мы поехали на вокзал.

На вокзале народу много – и все с лыжами. Все бегут, и треск от лыж стоит, почти как в школе. Но мы не побежали, а стали дожидаться дядю Игоря. Ждали, ждали, он не пришёл. Тогда мы сели в поезд и сами отправились.

По дороге играли в разные игры: какая где столица и по какой реке можно проехать, например, в Чёрное море. Только я не очень много знала, это папа с Серёжкой играли. Зато когда стали в книжки играть – например, папа говорит писателя, а мы сразу его книги, – то я больше Серёжки сказала. Я даже знала книгу Гоголя «Нос». Только я её не читала. Но папа сказал, что это не страшно, ещё всё впереди.

Долго мы ехали. А в Зеленогорске вышли и сразу встали на лыжи. Там надо пройти через лесок, потом по длинной улице, завернуть направо, и как дойдёшь до мостика, то скоро уже шоссе, а за шоссе – тихая улица, где зимой никто не живёт, только собаки бегают, а за собаками сразу лес.

В лесу народу полно – даже тётки ходят на лыжах, старые, толстые, в красивых свитерах. У мамы такого свитера нету.

Шли мы, шли и пришли на горушку. Там все катаются: и ребята, и старые дяденьки, и толстые тётки, только некоторые боятся. А напротив этой горушки – большая гора. И с неё только взрослые дяденьки съезжают, вроде нашего папы, и одна молоденькая тётенька. Я как увидела эту гору – так захотелось с неё съехать! А папа говорит:

– Ну, теоретики, вы с детской горки катайтесь, а я пошёл на большую.

В это время кто-то как помчится с большой горы – да ещё не где все ездят, а боком, то в одну сторону, то в другую, да пригибается, да быстро так – только снег кругом встаёт! Папа сказал, это называется слалом. А тот дяденька, что ехал, как завернёт на полном ходу – и к нам: это, оказывается, дядя Игорь. Он не нашёл нас на вокзале и сам приехал.

Вот они с папой ушли на большую гору, а мы с Серёжкой здесь остались. Что ни поедem, то в снег носом. Ездили мы, ездили – устали. Я говорю:

– Серёжка, пойдём на большую гору. Разок прокатимся – ну и упадём, так подумаешь.

А Серёжка чего-то кислый стал.

– Новое дело, – говорит, – с большой горы падать. И чего это мама с нами не поехала? И вообще я домой хочу. Ноги болят. Снег блестит. Людей много.

Тут как раз папа с дядей Игорем подъехали. Серёжка начал им хныкать, а я тихонько от них отошла и полезла в большую гору. С горы-то что, вот на гору – другое дело! Я уж и ёлочкой, как папа учил, и лесенкой, и палками цепляюсь, и руками кусты хватаю – ничего

не получается. Спасибо, дяденька какой-то дал мне свою палку – держись, говорит, куда только тебя черти несут. Так и вытащил на буксире.

Стала я на горе – даже дух захватывает. Ну, что делать, не могу же я всю жизнь тут стоять, надо ехать. А в это время папа меня заметил. Как он закричит:

– Марья, ты куда залезла! Спускайся оттуда немедленно! Тьфу ты, нет, не спускайся, подожди меня!

И побежал на гору. Только я уже вниз поехала. Присела, палки подняла, зажмурилась – ничего не чувствую. Только чувствую: упаду скоро. И правильно: упала. Открываю глаза – ничего, как раз внизу свалилась. Тут люди смеются надо мной, и Серёжка с дядей Игорем стоит. И папа подъехал и не ругается. Только сказал:

– Что ж ты, надо было спросить, как съехать, а то понеслась без разбору...

Но Серёжка с этого времени стал невозможный. И всё ему не так, и устал он, и дорога плохая, и люди плохие. В вокзальный ресторан пошли обедать – а Серёжка ноет: долго не подают ему суп, а как подали, невкусный оказался. Так совсем и не ел.

Папа сначала ничего, не сердился. А когда сели в поезд и Серёжка стал к окну проситься, у папы терпение лопнуло.

– Я, – говорит, – в последний раз с тобой связался. Ты мне всё воскресенье испортил. И перед дядей Игорем стыдно, и самому противно, что такой у меня сын. Трус ты последний и ничтожная личность.

Серёжка обиделся и заснул. А когда проснулся, то больше не капризничал. Только спросил:

– Папа, можно мы в следующий раз Бубнова с собой возьмём?

– И Галю Беликову? – сказала я.

– Ну ясно, – говорит папа, – мы с мамой теперь поменяемся: я буду работать воспитательницей детского сада. Ладно, берите. Но почему Бубнов, а не Миша Кузнецов?

– Я с ним раздружился. Теперь Бубнов – мой товарищ.

– Почему он к нам не приходит?

– Боится. Вы ведь знаете, что он раньше это самое... так поступал...

– Ничего, – говорит папа, – пусть приходит. Он больше так не поступает.

Но ведь это, Комаров, нехорошо – менять друзей всё время. Почему ты с Мишей раздружился?

А я думаю: скажет Серёжка или нет? И дядя Игорь тоже на него посматривает. А Серёжка молчит, не отвечает папе.

– Так почему, Сергей?

– Не почему, а отчего, – говорит Серёжка. – От характера, ясно?

И так серьёзно на папу посмотрел, как папа на нас смотрит, если что-нибудь объясняет.

– Ясно, – говорит папа. – Ясно, что нам выходить пора. Приехали.

Жёлтая старуха

Вчера за ужином папа спрашивает:

– Сергей, ты чего не ешь?

А Серёжка:

– Не хочется. Я лучше спать пойду.

Мама сразу:

– Ну-ка, пойді сюда!

– А чего? – спрашивает Серёжка.

– Ничего особенного. Да ты горячий! Дай-ка, Маша, градусник.

Папа тоже подошёл и говорит:

– Сергей, посмотри-ка на лампу. Мать, видишь?

Мама сразу как вскочит! И начала Серёжкины глаза рассматривать. А мне тоже интересно, что у него там такое. Но я ничего не вижу. А мама говорит:

– Картина ясная. Вызывай врача.

– Ты знаешь: его в больницу заберут, – говорит папа.

Мама ничего не ответила, только посадила Серёжку себе на колени и вздыхает. Наш Серёжка этого не любит, а теперь сидит. Папа стал звонить в поликлинику, а Серёжка спрашивает:

– Мам, чего это у меня? Скарлатина?

– Нет, сыночек, желтуха.

– А откуда ты знаешь?

– Посмотри в зеркало. Видишь, какие у тебя глаза жёлтые?

Мы с Серёжкой побежали к зеркалу – и правда: где должно быть голубое, у него такое желтоватое. Серёжка спрашивает:

– Мама, отчего это бывает?

– От мышей.

– Но я ведь мышей не ел, не трогал, они меня не кусали...

Тут как раз звонок – доктор Кораблёва пришла.

– Да, – говорит, – у вашего мальчика желтуха. Инфекци-он-ный ге-па-тит. Придётся мне его госпитализировать.

Мама, смотрю, немножко заплакала, но молчит. И доктор Кораблёва очень её похвалила.

– Сознательная, – говорит, – мамаша. Многие, бывает, ругаются и не хотят ребёнка отдавать, как будто не понимают... Так что ждите машину.

– А что с этой обезьяной делать? – спрашивает папа.

Тут доктор Кораблёва стала меня осматривать. А у меня как раз настолько забо-

лело справа в животе – там, где у Серёжки болит, – просто терпенья нету. Где доктор ни нажмёт – больно.

Смотрела она меня, смотрела...

– Нет, – говорит, – ничего не вижу. Но если девочка жалуется, то, возможно, и заболает. Всё равно ей надо карантин выдерживать. Подержите пока на диете, а там посмотрим.

Я говорю:

– Мне тоже, значит, в больницу?

– Нет, не волнуйся, ты пока дома побудешь.

Хорошее дело – не волнуйся! Серёжка на «скорой помощи» поедет, а я буду дома сидеть? Серёжка будет в больнице жить, а я здесь? Он сам по себе, а я сама по себе? Так разве можно?

Доктор Кораблёва ушла, а Серёжка стал в больницу собираться. Взял свой водяной пистолет, фонарь, карандаши и раскраски – мои вообще-то, но я уж ничего не сказала. Мама ему подарила большой такой бумажный мешок, какие в булочной продают, он туда всё сложил и ходит по комнате, совсем готовый. А тётя Надя в кухне горюет:

– Ты мой касатик, куда это тебя везут одного, без мамочки? Да ещё сюда придёт дезинфекция, всё зальёт, запачкает, убирай потом!

Мне так Серёжку жалко стало!

– Бери, – говорю, – «Тома Сойера» с собой. Всё равно уж. Может, и я к тебе в больницу приеду.

А Серёжка мне:

– Поехала бы сейчас! Какой толк одному на «скорой помощи»!

В это время мама всё Серёжкино белье сняла и положила в корыто. И со стола зачем-то скатерть убрала, и занавески стала снимать.

– Что ты делаешь? – папа спрашивает.

– А кто их знает, может, составом своим польют и всё испортят.

– Ну, знаешь, – говорит папа, – дикие вы люди. Что ты, что Надежда Петровна. Как будто в лесу живёте, пням молитесь...

Про что они ссорятся – не понимаю. Уж и стемнело, и мама на занятия не пошла, а Серёжка всё ходит со своим бумажным мешком, совсем готовый.

Наконец приехали. Мама хотела сама Серёжку везти, но папа сказал:

– Сиди уж, дожидайся свою дезинфекцию. Я отвезу.

Уехал наш Серёжка. А тут и дезинфекция пришла. Ничего не испортила, только водичкой побрызгала немного, и сразу поликлиникой пахло. А Серёжкины вещи куда-то унесли. Мама стала в кухне пол мыть, а мне велела уроки делать. Но я не могу делать уроки. Я думаю. Значит, Серёжка в воскресенье на горе больной был.

Значит, он из-за этого на людей и на снег ругался. И папа, значит, напрасно обозвал его трусом и пустым ничтоже-

ством. И как теперь? Разве это почестному получается?

Мама спрашивает: «Сделала, Маша, уроки?» Я говорю: «Нет, голова болит». Мама меня уложила и возле меня села. А голова и не болит вовсе. Я думаю. Я не могу понять, ведь папа справедливый. А Серёжка больной оказался.

Приехал папа. Идёт в комнату – и тётя Надя за ним.

– Ну, как он там, голубчик-то наш? – тётя Надя спрашивает.

– Ничего, в порядке. Переодели его – пижаму красивую выдали. Передачи каждый день можно носить до шести тридцати. И беседы врача по вторникам и пятницам.

Тётя Надя пошла к двери, а папа маме рассказывает:

– Таня, я перед Сергеем извинился. Хотя и больному нечего капризничать, но я его в лесу за трусость обругал. А он больной.

Тётя Надя сразу остановилась.

– Господи боже ты мой! – говорит. – Александр Николаевич, ума в тебе нету. Перед кем ты извиняешься-то?! Твой сын или нет? Да какое его дело – за что

отец изругал? И поучить бы не грех, не то что слово сказать. Тронутые вы оба, честное слово...

И ушла. Папа ей ничего не ответил. А я говорю:

– Мама, у меня голова прошла. Можно, я буду уроки делать?

И все задачки сразу получились. Потому что мне весело. Весело мне, хоть Серёжка и в больнице.

А сегодня мы с мамой Серёжке записки писали. И папа тоже. Мама интересно так пишет: «Сергунчик, дорогой, радость моя, счастье единственное» (почему единственное, а мы с папой?). И дальше всё такое же: «слушайся взрослых», «напиши, что тебе передать», да «голубчик», да «маленький»...

А папа не так. А папа: «Здравствуй, сын! Записался я на заводе в очередь на палатку – в мае поедem на Вуоксу. Достал для твоего китайского фонаря батарейки. Пусть полежат, весной понадобятся». И всё такое.

Но самый интересный был рисунок, который папа с мамой рисовали вместе, моими карандашами. Сначала нарисовали Серёжку – жёлтого-прежёлтого. Потом

противную такую старуху, на Бабу-ягу немножко похожа. И тоже жёлтая. И подписали: «желтуха». А потом красивого такого мальчика, розовенького. И два врача рядом стоят, только халаты у них не белые, а голубые. В руках они держат громадные шприцы и колют этими шприцами жёлтую старуху. И она совсем уже убегает.

И мне до того стало завидно, что Серёжка эту картинку получит! Так бы и треснула его хорошенько. Всё ему – и больница, и передачи, и картинка!

Восьмое марта

Ага! Всё-таки я заболела желтухой! Только доктор Кораблёва говорит: у меня безжелтушная форма. И правда – ничего у меня жёлтого нету. Но все-таки уложили в кровать, дают грелку и коричневое лекарство. И мама покупает компота две банки – Серёжке и мне. Апельсинов тоже поровну.

Только в больницу меня не взяли. Но это ничего, потому что, оказывается, там мальчишки отдельно от девчонок,

и нас с Серёжкой всё равно бы разделили.

Серёжка мне записку прислал:

«Машка, чего не пишешь. Я не сержусь, что ты сказала у меня ненависная морда. У нас тут есть девочка Лида, она поёт как канарейка. Ей четыре года пять мес. А больших девчонок к нам не пускают. Мама, пришли яблоков апельсин не надо. Сын Серёжа».

А сегодня Восьмое марта. И папа мне купил куклу. Ему мама велела. Я вообще в куклы не играю уже два месяца. Но мама сказала: купим, так будет играть. И папа говорит: лежит ребёнок один, как собака, целые сутки, и читает романы. Но я не читаю романы. Я «Хижину дяди Тома» читаю. И «Дорога уходит вдаль». И «Тимур и его команда». А тётя Надя говорит: «Зачем девчонке такую дорогую куклу купили? Лучше бы себе что справили».

Но в это время пришла мама и принесла тёте Наде мимозу. И мне веточку. А маме папа принёс. И тётя Надя не стала больше про куклу говорить. Только попросила вазочку – мимозу поставить.

Потому что у неё вазочки нет. Зато кастрюлек много.

Мама ушла на занятия. И мы с папой остались одни. Но тут позвонили – это пришёл дядя Игорь. Он тоже принёс маме мимозу. А мне – шоколадку и лимонад.

Только мне нельзя шоколадку, потому что желтуха. Дядя Игорь даже расстроился. Но папа сказал, что ничего, хватит с меня лимонаду. Вот сели они с дядей Игорем на диван, закурили и разговаривают. А я люблю слушать, как взрослые разговаривают. Тем более они про меня забыли. А лимонад стоит на тумбочке. Я за шкафом лежу, лимонад попиваю и слушаю, про что они говорят.

– Что же ты один пришёл? – спрашивает папа.

– Зина к матери уехала.

– Как уехала? А работа?

– Ей отпуск дали.

Бедная тётя Зина – какой сейчас отпуск неинтересный! Не то что летом. Она у нас хорошая, дядя Игоря жена. И молодая – двадцать один год. Дядя Игорь на ней летом женился, когда мы во второй класс перешли. Я лежу, тётю Зину

вспоминаю, какая она весёлая и острijенная под мальчика.

– Вот видишь, – это дяди Игоря голос. – Человеку нужна семья. Мальчик, когда растёт, он, понимаешь, не думает о семье. Ему вроде бы и не надо никакой семьи. А всё-таки надо. Надо, чтобы отец к матери по-человечески относился. У меня, понимаешь, никогда такой семьи не было. Вот поэтому я тебе всегда завидовал.

– Чего же завидовать? – говорит папа. – Вот и у тебя начало семьи есть. Теперь только сына не хватает.

- Ну, сын будет. Дочки не хватает.
 - Как будет? Когда?
 - Через месяц, а может, полтора.
 - Ах, вот что! Вот какой отпуск! Что же ты раньше не говорил, бессовестная твоя душа! Поздравляю, значит.
 - А ты не знал, что ли?
 - Откуда же?
 - Я Татьяне сразу сказал. Она так обрадовалась!
 - Татьяна знала?
 - Конечно.
 - Ну и человек!
 - А что?
 - Мне ведь ни слова.
 - Её Зина просила никому не говорить.
 - Почему? Чудаки вы!
 - Не знаю, почему. Мы очень, очень к этому серьёзно относимся. Знаешь, как это важно – ребёнок?
- Ах, вот оно что! Значит, у дяди Игоря будет сын! Но какая всё-таки мама: почему она папе ничего не сказала? Конечно, это не её была тайна, но разве можно от папы скрывать? И ещё интересно: значит, мы для них очень важны? Это хорошо!

А папа с дядей Игорем песню запели,
которую всегда поют, когда праздник:

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.

Это хорошая песня. Только мне от неё
стало грустно.

И вдруг! Открывается дверь! И входит
мама! А за ней – СЕРЁЖКА! Наш Серёжка
из больницы! Вот это да! Это лучше вся-
ких кукол! Серёжку привезли!

– Чего ты, Маша, орёшь? – говорит
Серёжка. – Ну, приехал домой. Дело жи-
тейское.

– Явились! – говорит папа. – Я уж
не думал, что приедут.

Я спрашиваю:

– Папа, ты, значит, знал?

– Ну конечно!

– А мне почему не сказал?

– Я боялся: вдруг мама не успеет
или Сергея сегодня не выпустят из боль-
ницы. А ты расстроишься.

Серёжка длинный такой стал и охрип.
Басом разговаривает. И всё про больницу
рассказывает. Велел мне градусник по ре-
жиму ставить и лекарство пить.

– Это, – говорит, – пустяки. Подумаешь – горькое лекарство! Вот у нас был мальчик, Насыбулин Ахмет, так ему каждый день три укола делали. Вот как!

И вдруг опять звонок. Это пришла одной девочки мама – из родительского комитета. И говорит:

– Пусть ваши дети выглянут на минутку в окно. А это им от класса.

И даёт нашей маме пакет. А в пакете – яблоки и печенье.

Мама выглянула на улицу и как засмеётся. И нас перетащила к окну. А внизу – все наши ребята, весь класс. И Ма-

рия Тимофеевна. Смеются, машут нам. Всю улицу загородили. Только скоро им пришлось уйти, потому что трамвай поехал. А той девочки мама говорит, что они теперь в больницу пойдут. У нас Вова Иванов-второй в больнице лежит. Потому что у нас два Вовы Иванова – первый и второй.

Вот какое у нас Восьмое марта! Папа, мама и дядя Игорь сели пить чай. А Серёжку уложили в кровать. И нам тоже всего на маленький столик поставили – конфет, печенья и яблок. Я говорю:

– Серёжка, у дяди Игоря скоро будет сын.

А он:

– Подумаешь, дело житейское!

Это он теперь всё так говорит: «дело житейское». В больнице от кого-нибудь научился.

Ссора

Папа и мама ссорятся. Мы с Серёжкой считаемся, что спим. Но мы не спим, а слушаем. Они и раньше, бывало, ссорились, но только это всё так, ну вот как

мы с Серёжкой дерёмся. Например, папа обещал сходить в магазин, а сам сидит и читает газету. Мама на него, как на нас, накричит, накричит, а он расстроится. И мы с Серёжкой всегда были за папу. Потом мама сама перестанет сердиться и помирится с ним.

А сегодня они тихо ссорятся, без крику. Это плохо. И непонятно, за кого нам быть. Мы и за папу, и за маму.

– Что тебе от меня нужно? – говорит папа. – Всю душу ты из меня вытянула. Не понимаю, чего ты хочешь.

– Прекрасно понимаешь. Все люди получают, а ты как святой живёшь. Ничего не умеешь.

– При чём здесь святой? Люди больше меня нуждаются.

– Ну конечно! Иваницкий, например, имеет с семьёй две комнаты, так ему дают отдельную квартиру. А мы вчетвером в одной, и ты не можешь добиться.

– Иваницкий – старый человек. Что ты меня равняешь...

– А Левченко – тоже старый, да? Левченко просто умеет устраиваться.

– Ты хочешь, чтобы я умел устраиваться?

– Я хочу, чтобы ты меня любил – вот и всё. Если бы ты нас любил, меня и детей, то давно бы добился двух комнат. Это уже третий дом сдают – и опять мы не получаем.

– Получим в четвёртом.

– Через десять лет, да?

– Что ты за человек! Как тебе не стыдно всё-таки!

– Ни капельки не стыдно! Тебе стыдно должно быть, что дети за шкафом ютятся. В конце концов, твои это дети или нет?

– Ещё бы они были не мои!

– Так что ты думаешь? Всё у нас не как у людей!

Папа, кажется, страшно рассердился. Это они, значит, из-за квартиры ссорятся. Мама всё время говорила, чтобы папа на заводе на кого-то нажал, и нам бы дали квартиру. А папа не хочет нажимать.

Я не знаю, за кого я. А Серёжка, кажется, за папу. Он тихо-тихо мне шепчет:

– Нам и тут хорошо, правда?

Мама опять повторяет:

– Люди получают квартиры, живут. А я за пять лет шубу себе купить не могу. И квартиры нет. Всё не по-людски.

Тогда папа громко говорит:

– Что значит по-людски, а? Может, по-людски в девятнадцать лет жениться? По-людски – бросать институт, а через столько лет кончать? Спроси свою Надежду Петровну – по-людски, она считает, что я пелёнки стирал, а теперь на кухне кастрюлями орудую? Мало она надо мной смеялась? Ты, может, хочешь по её мерке жить? Нет, милая моя, как мы с тобой начали жить, так и дальше будем. Может, и не по-людски, зато по-человечески. Ясно?

– Тише, – говорит мама, – Надежда Петровна услышит. Какой ты! С тобой невозможно спорить. Доказывать ты умеешь. А я всё равно знаю: ты просто не хочешь получить квартиру. Потому что тебе ничего не хочется для нас делать. Ты свой дом не любишь...

– Да прекрати ты! Я бы для одного того переехал, чтобы увезти тебя от Надежды Петровны. Вместо того, чтобы её воспитывать, сама мещанкой становишься...

Я вижу: Серёжка поднимается на кровати.

– Вот оно что! – говорит мама. – Я, значит, мещанка! Ты, значит, меня разлюбил, да?

А папа уже кричит:

– Ты подлецом меня хочешь сделать!

– Мама! Я пить хочу! – говорит Серёжка.

– Ну вот, докричался, что дети проснулись!

Принесла мама Серёжке воды, а я закрыла глаза, как будто сплю. Мама на меня не посмотрела, а то бы обязательно догадалась. Она ушла опять к папе, а я шепчу:

– Серёжка, ты за кого?

– Ясно, за папу.

– И я тогда за папу.

Слышим, мама заплакала. Папа ей:

– Ну вот. Теперь в слёзы. И ведь почему плачешь – сама знаешь, что не права. Ну, правда?

Мама молчит. Он, видно, к ней подошёл. Серёжка мне:

– Спи. Теперь помирятся.

– Ну, давай вытрем слёзы. Глупая ты у меня. Как Машка.

Ничего я не глупая. Всегда они так!

– Я же хочу, как лучше, – говорит мама.

– И я тоже. Поняла ты? И шубу купим. Подумаешь – шуба. Мы три шубы купим. Хочешь?

– Что ты со мной, как с маленькой?

– А ты и есть маленькая. Маленькая моя. Любимая.

– Господи, – говорит Серёжка. – По-спать не дадут.

Они замолчали. Мы с Серёжкой стали засыпать. Потом опять слышу:

– Ты мне самый родной. Я бы без тебя...

– Маша, – шепчет Серёжка. – Ты знаешь, если бы папа с мамой были близнецы, то папа был бы на двадцать минут старше.

– Почему?

– Потому, что он умнее.

Что ли, он этим хочет сказать, что он умнее меня? Ещё новое дело!

Часть третья

ВЕСНА

Саша Бубнов

Что-то наш Серёжка опять задумал. И Бубнов, конечно, с ним. Только, наверное, это Бубнов задумал. Идёт к нам и тащит в авоське что-то тяжёлое. Мне Серёжка всё равно расскажет. Уроки они кое-как сделали, грязи в тетрадях навели – ужас! И я тоже. Торопилась, думала – сейчас гулять пойдём. Но Серёжка меня совсем не взял.

– Сиди дома, – говорит. – К тебе твоя Беликова придёт. А я пошёл.

Схватил зачем-то две бутылки – и бежать. А мне интересно: что это у них в авоське? Галя пришла и спрашивает:

– Ваш Серёжка с ума сошёл или что?

– Почему с ума сошёл?

– Он меня прямо извёл на переменах: не забудь, говорит, к Машке прийти. Ей, говорит, скучно одной сидеть. А у меня, понимаешь, говорит, дела. Какие дела у него?

Вот до чего дошло! А я и не знаю ничего. Ну, раз так, залезли мы в Серёж-

кин ящик и нашли стекляшку – толстую такую, красивую. И тяжёлую. Очень даже может пригодиться. Я её Гале подарила. А потом взяли скакалку и пошли во двор. Там девчонок много – стали скакать.

Я скачу, а сама всё прислушиваюсь. Вроде мне Серёжкин голос слышится. Да, точно Серёжкин. И Бубнова. В подвале они.

– Отойди, – говорит Бубнов. – Сейчас взорвётся.

– Ничего, ещё минут пять осталось.

Я, конечно, бросила скакать и побежала в подвал. А дверь заперта. Я в окошечко – там маленькое есть окошечко: в него кошки лазают и мальчишки ходят. И кричу:

– Серёжка, ты здесь? Чего вы делаете?

А Серёжка как закричит на меня:

– Уходи сейчас же! Взорвёшься!

Все девчонки за мной прибежали и стоят сзади. Но близко не подходят. Только Галя подошла и говорит:

– Маша, чего же мы к ним не лезем? Там интересно!

– Ещё как интересно! Вот сейчас взорвётся Серёжка, что тогда будет?

И немножко я всё-таки заревела. Смотрю – и Галя ревет. Ей Бубнова, наверное, жалко. Она теперь с ним дружит. Но вдруг слышу, Серёжка кричит:

– Вот и не взорвалось! Это мы неправильно делали. Воздух прошёл. Плохо закупорили бутылку.

А Бубнов:

– Правильно всё. Нам девчонки помогали. Ну, в следующий раз мы не так сделаем. Его, во-первых, подогреть надо. Снесём к вам и поставим под плиту. В субботу будете пироги печь, духовка разогреется, и наш карбид тоже тёплый станет. Вот тогда и взорвётся как следует.

– В кухне?

– Зачем в кухне? Мы его вынесем.

– А если не успеем?

– Успеем! Большое дело – карбид вынести.

Я кричу:

– Серёжка! Вылезайте оттуда! Взорвётесь!

А Бубнов:

– Ну что это за девчонка! В первый раз такую вижу. Нет покою. Бежим на тот участок! Галья, не ходи за нами! Я тебе потом покажу хороший взрыв.

И, слышно, затопали – побежали. Куда? Неизвестно.

Я Гале говорю:

– Ты как хочешь, а я всё-таки полезу за ними.

– Конечно, – говорит Галя. – Идём. Только там темно. Фонарик надо.

Побежали мы домой, нашли папин фонарик и полезли в подвал. Ох и страшно же там! Кошки из углов выскакивают, как ведьмы. Паутина везде, палки какие-то, бутылки, кирпичи ломаные. Потом Галя на дворникову лопату налетела, и –

бац! – шишка на лбу. Всё облазили – нет ни Бубнова, ни Серёжки. Где у них другой участок?

Пришлось идти домой. А там уже мама пришла с работы. У неё голова болит, она легла на диван и просит нас потише.

А мы, конечно, рады, что она нас не видит, потому что мы страшно вымазались в подвале. Мы только ждём, чтоб она заснула, – тогда можно будет хоть как-нибудь пальто отчистить.

И в это время являются Бубнов с Серёжкой. В таком виде! Мы рядом с ними просто какие-то чистюли! А мама встала с дивана и поглядела на Серёжку. Что тут началось! Как она закричит:

– Несчастье вы моё! Ну что за дети! Даже заболеть нельзя! Вот раз в жизни хотела полежать – так разве дадут! Что это за собачья жизнь, никакого отдыха! Всем можно болеть, а мне нет, да?

И пошла, и пошла... Серёжка знает: если она сейчас разойдётся, то и стукнуть может. Они с Бубновым тихо-тихо – и в кухню. А нам с Галей некуда деться, приходится слушать.

Мама когда кричит, такая некрасивая делается! И всё у неё получается, как будто мы нарочно, ей назло пачкаемся. Хорошо ещё, что она у нас отходчивая.

Покричала-покричала и говорит:

– Ну, садитесь обедать. Только вымойтесь сначала.

Серёжка мне шепчет:

– Маша, это ещё не всё. На нас акт составили.

И правда, только всё успокоилось – папа пришёл. Сели мы обедать – является тётя из детской комнаты. Показывает на Бубнова и Серёжку.

– Ваши эти дети? – спрашивает.

– Наши, – отвечает папа.

А они встали из-за стола и молчат.

– Что случилось? – говорит мама.

– Да вот пришлось на них акт составить. Представьте: сидят в подвале, что выходит на улицу, и обливают прохожих из водяного пистолета.

Значит, они совершенно в другом подвале были!

– Ну вот, пожалуйста! – говорит мама.

А Бубнов Серёжку отодвинул – и к тёте:

– Это на меня надо акт составить. Это я придумал. И мы не обливали, а стреляли. И не во всех людей, а только в шпионов.

Тут все взрослые засмеялись, а папа говорит:

– Помешались на шпионах. Да откуда вы узнали, что это шпион?

– Мы по ногам смотрели, – объясняет Серёжка. – У шпионов ботинки заграничные и носки в полосочку.

Всё-таки тётя велела папе подписать акт и ушла. А папа стал с Серёжкой

и Бубновым разговаривать. Мы с Галей давно посуду вымыли, сидим в уголке, а папа всё им говорит чего-то, говорит... И вдруг Бубнов ему:

– А что вы от меня хотите? Это, может, ваш Серёжка соображает, а я разве могу соображать?

Папа очень удивился.

– Почему же ты соображать не можешь?

– Потому что у вашего Серёжки есть папа, а у меня никакого папы нету. И маме со мной некогда. Она с утра как уйдёт – так я и остаюсь безнадзорный.

– Кто тебе сказал, что ты безнадзорный?

– Кто да кто... Люди говорят. Рот не заткнёшь. Был бы у нас папа хоть где-нибудь далеко – другое дело. А наш папа, наверное, подлец.

Галя меня толкает, а мне самой слушать стыдно и страшно. И про Галю думаю: ей-то не очень это всё приятно. Видно, Бубнов слишком расстроился, если такое говорит.

И папа, я чувствую, не знает, что ему ответить. Но потом всё-таки сказал:

– Смотри, как ты здорово во всём разбираешься! Люди говорят, рот не за-
ткнёшь! Да ещё и подлец! А может,
твой отец – самый лучший на свете че-
ловек, а?

– Ну, как же? Он бы тогда здесь был.

– А может, его в живых нет. Он, мо-
жет, герой – людей спасал и сам погиб.
Откуда ты знаешь? Он, небось, не стал
бы без разбору людей водой обливать.

Бубнов замолчал чего-то. И папа мол-
чит.

– Папа! – говорит Серёжка. – Мы, зна-
ешь, ещё карбиду достали. Хотели опыт
сделать, но не получается.

– Ну, давайте сделаем, – говорит па-
па. – Где у вас карбид? Несите сюда.
Сейчас подумаем.

Серёжка с Бубновым убежали, а мы
с Галей гулять пошли.

Галя спрашивает:

– Ты Бубнова маму видала?

– Нет. А ты?

– Я видела. Она старая. Но хорошая,
вот честное слово. Она его любит как,
Сашку! Только ей некогда. И ещё она
всегда плачет.

– А Бубнов по своему папе скучает?

– Нет. Он ведь его не видел.

– Галя! А ты... Скучаешь?

– Очень. Он ко мне приходит. У меня, знаешь, какой папа! Я его люблю. Только он редко приходит – в неделю раз. Когда мамы нет дома.

Как же это так? Папа от неё ушёл, а она его любит? И скучает. А Бубнов совсем своего папу не знает... Он, может, правда погиб...

– Галя!

– Что?

– Ты поэтому с Сашкой Бубновым подружилась, да? Потому что он тоже без папы живёт?

– Не знаю. Он меня раньше дразнил, а теперь не дразнит. С ним весело, с Бубновым. И он совсем не хулиган.

– Кто это сказал, что наш Бубнов хулиган?

– Мишки Кузнецова мама Марии Тимофеевне говорила.

– Что она знает, Мишки Кузнецова мама! Что она понимает про хулиганов! А Мария Тимофеевна что?

– А она: у этого ребёнка, говорит, обстоятельства...

– Это она правильно, Маша... Ты только никому не говори: нас с ним, знаешь, как дразнили? Жених и невеста...

– Ну да?

– Честное слово. Я даже плакала. А Саша говорит: плюнь на дураков. Я и плюнула.

– А они?

– А они больше не дразнят.

А мы-то с Серёжкой ничего не знали!

Как мы ходили в гости

На улице так тепло – скоро Первое мая. И мне разрешили в носках. А Гале – нет, не позволяют. Ей теперь совсем уж ничего не позволяют, потому что мама всё время за неё боится – как бы не заболела, да как бы не простудилась. Но мы не очень-то огорчаемся: Галя как выйдет из дому, сразу закатывает свои чулки – и пожалуйста!

Сегодня мы без Гали и без Бубнова. Мы с Серёжкой и с папой идём в гости. Потому что у дяди Игоря родилась Ната-

ша и её как раз привезли домой. А мама не может: у неё занятия. Вечно у неё занятия!

Утром мама оставила нам денег и говорит:

– Как только вернётесь из школы, идите в магазин и купите Наташе подарок. Игрушки выберите сами, только помните, что ребёнку восемь дней, а не восемь лет.

А из вещей велела купить ползунки. Это такие штаны с чулками вместе. Ещё они почему-то называются черепашками. Вот мы сразу после школы и пошли в «Детский мир». За этими ползунками, конечно, очередь. Я встала, а Серёжка пошёл в кассу платить. Только он отошёл, слышу – шум.

– Мальчик, ты за кем?

– Вот за тётенькой.

– А где твоя мама?

– На работе.

– А с кем ты пришёл?

– С сестрой.

– Где сестра?

– В очереди стоит.

– Позови её сюда.

– Зачем?

– Какой невежливый ребёнок! Что же ты, и платить сам будешь?

– Да.

– И что же ты покупаешь?

– Ползунки.

– Кому, деточка?

– Знакомой девочке.

– Нет, вы видели! Отпускают ребёнка одного в магазин покупать детские вещи! Мальчик, а сколько лет твоей сестре?

– Восемь.

– Безобразие! Ну-ка, отойди, мальчик. Всё равно ты всё перепутаешь.

А Серёжка не отходит. И кассирша ничего, не ругается. Серёжка говорит:

– Трое ползунков. Четыре восемьдесят девять.

Кассирша выбивает, а тётка сзади:

– Деточка, кто тебе сосчитал деньги?

Серёжка, вижу, разозлился и молчит. А тётка:

– Вот дети пошли! Ну конечно, какое может быть воспитание – с малых лет по магазинам, чего только не наслушаются.

Принёс Серёжка чек и говорит мне:

– Получай сама. А то опять как с чайником будет.

С чайником – это да! Это было дело. Мама однажды легла спать, а про чайник забыла. Он и распаялся. Ну, дала она Серёжке деньги и отправила в хозяйственный на углу чайник купить. Серёжка пришёл, видит: такие же точно чайники стоят, как наш, распаянный. Он и говорит:

– Дайте, пожалуйста, вон тот зелёный чайник за два тридцать пять.

А продавщица тоже:

– Ты с кем пришёл?

– Один.

– Тогда иди домой.

– Почему?

– Не дам я тебе чайник. Может, тебе не тот нужен чайник. Может, потом твоя мама придёт. А мы товар не обмениваем.

– Так мама не придёт.

– Иди, мальчик, сказала тебе.

Мама тогда очень рассердилась и сказала продавщице:

– Что, – говорит, – за водкой, что ли, я сына послала? Где это сказано, чтобы детям чайники не продавать?

А продавщица:

– Вы, гражданка, не возмущайтесь. Так проще, когда взрослые приходят.

Серёжка теперь никак не может забыть этот чайник. И послал меня ползунки получать. А я и получила – подумаешь! Голубой, розовый и ещё жёлтый. И немножко продавщице наврала. Как будто у меня сестрёнка родилась. Ну и что же! Дядя Игорь ведь говорит, что мы ему как родные дети, вот и получается правильно.

И ещё мы купили погремушки – такие красивые! Попугай на кольце и красный мишка. И резиновую утку: нажмешь – пищит. И пока шли домой, всю дорогу гремели погремушками и пищали уткой.

А теперь мы идём к Наташе. Идти далеко. Папа говорит:

– Ну как, дойдёте или на автобус сядем?

– На автобус!

Мы бы дошли, но автобусы как раз к дяде Игорю ходят стеклянные. А мы на таком ещё ни разу не ездили. Очередь на него длинная! Всем, конечно, хочется на таком автобусе прокатиться.

Стали мы в очередь. И что ты скажешь – опять тётенька:

– Вы бы, гражданин, с детьми-то с передней площадки шли.

Вечное дело! Нам уже год с задней площадки полагается. Но разве им объяснишь!

Подходит автобус. Влезли кое-как. Папа платит. Тут кондукторша:

– Гражданин, зачем вы с детьми в заднюю дверь вошли?

– Так они же большие!

А тётка сразу:

– Мы ему говорили! Он не слушал! Вот они, отцы. Нет у них жалости. Как теперь пробиваться будете?

– Нам до конца ехать. Не надо пробиваться.

Кондукторша с нами согласилась:

– Вообще-то правильно, отец их к порядку приучает.

Тёткам лучше бы замолчать, но они снова:

– Вот так и таскают детей. Нервы треплют и себе, и людям...

Папа молчит, а мне обидно. Я и говорю:

– Потому что мы по закону поступаем. Как полагается...

А тётенке одной очень Серёжка понравился. И около неё как раз свободное место. Она Серёжку и позвала.

– Садись, – говорит, – деточка.

Серёжка не сел. Меня посадил. Опять плохо.

– С таких лет кавалерствовать начинает!

До чего эти тётки надоели! Насилу мы дождались, когда выходить из автобуса.

А Наташа у дяди Игоря до чего интересная! Только спит всё время. Ножки такие маленькие. Мама говорила – красные. И ничего такого, очень даже беленькие. И лысая совсем. А глазищи большие, голубые. Прекрасная Наташа!

Мы много ей игрушек дали – и погремушки, и утку, и разные ещё, потому что мама тоже купила. Но она не берёт.

А тётя Зина очень ползункам обрадовалась и сразу стала Наташе надевать. А дядя Игорь говорит:

– Ты ей ещё бальный туалет надень. Велики же ей эти тряпочки. Утонет она в них.

Тётя Зина нам дала Наташу подержать – и мне, и Серёжке. Страшно до чего: вдруг голова отвалится? Нетвёрдая она какая-то.

Тётя Зина тоже боится, оказывается. Даже не хочет из-за этого Наташу купать. Но папа сказал, что мама завтра приедет и покажет, как выкупать. Вот бы это сегодня было!

А тётя Зина обрадовалась, что мама приедет, и сразу стала на стол накрывать. Всего-всего наставила. Наташа спит в коляске, а мы пируем. Папа с дядей Игорем, конечно, запели свою «Кто в Ленинград пробирался болотами», а мы с Серёжкой едим всё подряд. Особенно Серёжка.

Когда пришли домой, мама спрашивает:

– Ну, как Наташа?

А Серёжка говорит:

– У меня чего-то животу тяжело. Я, мам, наверное, объелся.

– А что ты ел?

– Я-то? Я всё ел. Что у них было, всё я и съел. И салат, и пирог, и торт, и конфеты. Тётя Зина всё накладывает и накладывает. А я всё ем да ем. Вот и объелся из вежливости.

Серёжка и Тыкалка

Маму вызывают в школу. Ну что всё-таки мы за люди! Всего осталось доучиться один месяц, и послезавтра Первое мая. А у нас опять такие дела!

Пришли мы сегодня на пение. Кто по-
дальше сидит – разговаривает, книжку чи-
тает. Мы с Галей, например, играем в бу-
мажные куклы. А Серёжка с Бубновым –
на первой скамейке. Им некуда деться:
поют. Ноты отвечают.

И вдруг Тыкалка подходит к Бубнову:

– Ты почему не в форме?

А у Бубнова, правда, Серёжкина куртка
надета. Потому что его мама форму вы-
стирала.

– Мне Мария Тимофеевна разреши-
ла, – говорит Бубнов.

– А я тоже хочу знать, почему ты не
в форме.

– Мама форму выстирала. Сохнет фор-
ма.

Тыкалка поморщилась и заявляет:

– Что-то очень долго сохнет она. Мог-
ла бы и поторопиться твоя мама.

А Бубнов только первый день без
формы пришёл. И ему, конечно, обидно.
Зачем она про его маму так: «Могла бы
и поторопиться...»

Всегда она такая, Тыкалка! Бубнов сел
и заплакал. Галя сама чуть не плачет, и я
тоже. А ребята поют. Не все, конечно.

Некоторые. Но тут наш Серёжка поднимает руку.

– Тебе что нужно?

– Тамара Ивановна, у вас дети есть?

– Не понимаю, какое это имеет отношение к уроку? Садись.

А Серёжка не садится.

– Нету у вас детей. Я знаю.

– Я сказала: садись. Не мешай мне работать.

А Серёжка весь красный стоит. Он уж теперь не сядет. Это уж известно. Он такой, наш Серёжка!

– Я и не мешаю. Вы работаете, а Бубнова мать разве не работает? И ещё форму ночью стирала. Не могла она поторопиться. Зачем вы неправильно говорите?

Тыкалка как вскинется:

– Комаров, выйди из класса!

Она, оказывается, знает нашу фамилию! А чего же она раньше её не говорила? Теперь-то прямо кричит:

– Комаров, я сказала: выйди из класса!

– И выйду. А вы даже не знаете, сколько времени форма сохнет.

– Комаров, иди сию минуту к директору.

– И пойду. А зачем вы Бубнова мать обижаете?

Все ребята перестали разговаривать и слушают. Вова Иванов-первый говорит:

– Во Комаров даёт! Правильно, чего она. Не реви, Бубнов.

Галя мне шепчет:

– Молодец Серёжка!

А Мишка Кузнецов:

– Вот выключат их из школы – будут знать.

А сам-то весь урок бумажками стрелялся. Ушёл наш Серёжка за дверь. И Бубнов с ним. Тыкалка спрашивает:

- Ты, Бубнов, куда?
- Умыться.
- Я тебе не разрешаю.

А он всё равно ушёл. Но только к директору они не попали, потому что встретили Марию Тимофеевну. Она сказала: «Я сама с вами разберусь».

Пришлось, конечно, ей всё рассказать. И как раз звонок. И вылетает Тыкалка. А мы все – за ней.

– Сейчас же, – говорит, – вызвать родителей. Это же наглость какая! Если они во втором классе такое себе позволяют, то в шестом поубивают нас всех.

Нужна она кому – убивать её! А разочек из водяного пистолета – хорошо бы.

Вечером мама пошла в школу. Долго её не было. Мы даже устали в школьном дворе дожидаться. И Бубнов с нами. И Галя. Да ещё Вова Иванов-первый пришёл – вся наша октябрятская звёздочка.

Вова говорит:

– Смотри-ка, Сашкину мать не вызвала. Потому что стыдно: сама как нехорошо говорила. А Комарова мать сразу вызвала!

– Моя бы мама всё равно не пришла, – говорит Бубнов. – Она не может в школу ходить: расстройство одно. Заплачет, и всё. Она и мне говорит, учись, Сашенька, слушай старших... Как же, послушаешь Тыкалку! Мама боится, чтоб я полуграмотный не остался, как она.

– Ты не останешься, – говорит Галя. – Ты очень даже способный. Только ленивый.

– Мама идёт! – говорит Серёжка.

И правда, идёт мама с Марией Тимофеевной. Нас они не видят, мы и пошли тихонько сзади.

– Что же теперь делать? – спрашивает мама.

– Ну, что делать... Я с Тamarой Ивановной поговорю. А вы – с Серёжей. Он должен понять, что так не борются с несправедливостью. Пусть извинится перед Тamarой Ивановной.

Бубнов сразу спрашивает:

– Ты будешь извиняться?

– Нет.

– И я нет.

Тогда Вова предлагает:

– Ребята, а вы перед Марией Тимофеевной извинитесь.

Побежали мы скорей на другую сторону, потом опять на эту, как будто на встречу идём. Серёжка говорит:

– Здравствуйте, Мария Тимофеевна. Извините, пожалуйста, нас, что мы плохо себя вели на пении.

А Мария Тимофеевна маме:

– Видали хитрецов? Что же ты, Серёжа, передо мной извиняешься?

– Я перед Тык... перед Тамарой Ивановной не буду.

– Почему?

– А чего она Бубнова обидела?

– А ты Тамару Ивановну разве не обидел? Ты как её называл сейчас?

– Тамара Ивановна.

– Нет, уж ты не хитри.

– Ну, Тыкалка.

– Почему? За что вы её так называете?

Вова Иванов-первый говорит:

– А чего она сама нас всех тыкает? Она же знает фамилии. Вот и Комарова знала, и Бубнова Сашку.

А Серёжка говорит:

– Она работает, а Бубнова мама, что ли, не работает? А сама бездельничает...

Мария Тимофеевна посмотрела на маму и вздыхает.

– Вот ты, Серёжа, считаешь, что Тамара Ивановна не работает на уроке. Выходит, и я не работаю, и твоя мама в детском саду баклуши бьёт.

– И неправильно, – говорит Серёжка. – Всюду есть, которые хорошо работают, а есть – которые плохо.

– А в школе нету. В школе все учителя вас учат, стараются. А ты обижаешь учителя. Вот я сейчас подумала, может, вы и меня как-нибудь так называете?

Мы все как заорём:

– Что вы!

А Серёжка:

– Честное слово, нет!

Мама тогда говорит:

– Обещайте Марии Тимофеевне...

Ну, мы и обещали. Что не будем больше Тамару Ивановну Тыкалкой звать. А Серёжка предлагает:

– Пусть она тогда перед Бубновым извинится.

Мария Тимофеевна даже покраснела.

– Ну, это, – говорит, – дело особое. А ты, Серёжа, действительно, извинись перед Тамарой Ивановной. Я тебя прошу.

«Я тебя прошу»! Из-за Марии Тимофеевны он, понятное дело, извинился. А в чём извинился – и сам не знает. Велели – и всё. Только Тамара Ивановна как была Тыкалкой, так и останется, как её ни зови.

Проклятые лампочки

Наш Серёжка после того случая с Тamarой Ивановной прямо стал невозможный. Всё Первое мая ругался и меня ни за что побил. И маме всё время говорит:

– А чего? Подумаешь!

А теперь ещё эти проклятые лампочки. После этих лампочек я тоже стала грубо разговаривать. Потому что если они не понимают, так и пускай. Подумаешь!

Вчера мама зажигает свет на кухне, а лампочка не горит. Хотела из настольной лампы выкрутить – там тоже перегорела.

– Вот, – говорит, – проклятые какие лампочки! Иди, Серёжа, быстренько в магазин. Купи раз навсегда побольше лампочек.

И даёт ему два рубля. А Серёжа в хозяйственный ходить не любит. Потому что там как раз та продавщица, что не хотела ему чайник продавать. Но всё-таки он взял деньги и ушёл.

Приходит с лампочками, а мама спрашивает:

– Где сдача?

– Какая сдача?

– Ну, как же, ведь я тебе дала два рубля, а ты принёс всего четыре лампочки.

– Не знаю, – говорит Серёжка. – Мне никакой сдачи не дали.

Тут тётя Надя влезла:

– То-то я и видела, что вы с этим Бубновым сейчас на углу мороженое ели. Приспособили, небось, мамины денежки!

Папа, как это услышал, сразу стал ботинки надевать. А Серёжка говорит:

– Нам Сашина мама дала тридцать копеек. У неё сегодня получка.

Ну разве тётя Надя может человеку поверить? Она сразу:

– Так Бубнова мать и даст тридцать копеек. Что у неё, лишние, что ли?

А папа надел ботинки и говорит:

– Идём, Сергей.

Они пошли, а я за ними. Вижу: Серёжка зареветь хочет, а не ревёт. Я говорю:

– Папа, не брал он денег. Я тебе точно говорю: не брал.

А папа:

– Вот мы сейчас и проверим.

Подходим к магазину. Серёжка встал около двери и заявляет:

- Я туда не пойду.
- Как это не пойдёшь?
- Не пойду – и всё.
- Нет пойдёшь!
- Тебе надо, ты и иди.

Папа прямо зашипел на него:

- Ты как с отцом разговариваешь?

А я говорю:

- Как хотим, так и разговариваем.

Мы ваших денег не брали, и можете нас в магазин не тянуть.

Папа здорово разозлился.

– Сию, – говорит, – минуту марш в магазин, а то я вам сейчас покажу, как на улице фокусы выкидывать.

– Ну и пожалуйста, – говорит Серёжка. – Ну и пойдём. Подумаешь!

Только мы вошли в магазин, а продавщица кричит:

– Мальчик, мальчик, ты же сдачу не взял! Вот она у меня отложена.

И даёт Серёжке деньги. А папа покраснел, как маленький, и хотел сразу уйти. Но я сказала:

– Вот видите, а нам не поверили. Думали, мы себе взяли эту сдачу.

Продавщица тоже рассердилась.

– Как, – говорит, – вам, гражданин, не стыдно! Я сразу за вашим мальчиком на улицу выскочила, только он уже ушёл. Потому что я сама сдачу перепутала. Как вы только можете такого хорошего мальчика подозревать! Я его давно знаю.

Папа ещё хуже покраснел и молчит. А мы с Серёжкой тихо-тихо – и к двери. И удрали на улицу. Стоим напротив магазина в подворотне и видим: папа вышел, оглядывается. Не заметил нас и пошёл домой. Серёжка шепчет:

– Убегу в детский дом, да и всё.

- А я как же?
- И ты со мной.
- Не надо в детский дом. Всё-таки жалко их.
- И ни капельки. Подумаешь! Нужна мне ихняя сдача!

Всё-таки мы пошли домой. Приходим – а они такие ласковые. Говорят, чтоб мы садились пить чай с конфетами. Очень нам нужны конфеты! Подумаешь!

Папина музыка

Приходит ко мне Галя и приносит пластинку – Первый концерт Чайковского. Играет Ван Клиберн. Я про Вана Клиберна не знала, мне Галя рассказала. Она говорит:

– Будем сейчас слушать эту пластинку. А потом – вашу «Сольвейг».

У нас тоже есть пластинки. И мамина самая любимая – «Пер-Гюнт». Там про Сольвейг, как она его любила, – нам мама рассказывала. А Серёжка не любит «Песню Сольвейг». Ему бы только слушать, как тролли идут. Он и сейчас недоволен:

– Ну вот, затянут тоску такую. Не буду вам заводить проигрыватель.

Но всё-таки мы его упросили. Мы с Га-лей слушаем, а Серёжка сам с собой в шахматы играет. Как раз наши пластинки кончились, он и говорит:

– Всё. Выиграл Комаров Сергей у Комарова Серёжки. Что вам ещё поставить?

А нам больше ничего не хочется. Мы хотим тихо посидеть. Галя говорит:

– Маша, всё-таки эта Сольвейг была счастливая, правда? Так она его любила.

– Вот дуры! – говорит Серёжка. – Что вы в этом понимаете? Вот у папы есть пластинка, это да! Немецкие песни Эрнста Буша. Он, знаешь, какой, этот Буш? В Испании сражался, потом его фашисты посадили в тюрьму, а он всё равно спасся. Мне папа рассказывал. Ему один товарищ из Германии привёз такую пластинку. Из ГДР. Ясно?

– Серёжка!

– Чего?

– Знаешь, что?

– И не думай. И не мечтай. Папа сказал: голову сорву, если кто дотронется.

– А ты знаешь, где она лежит?

– Дело большое! В письменном столе. Вот где.

Он открыл ящик, а там пластинка. Я говорю:

– Серёжка!..

– Не трогай!

– Ну, разочек послушаем! Что ей будет!

И Галя стала его просить. Он в конце концов разозлился.

– Ну и пожалуйста, – говорит. – Я не отвечаю.

Поставили мы пластинку. Хорошие песни. Непонятно, правда, по-немецки. Но музыка зато такая боевая. Серёжка нам объяснил: это, говорит, про болотных солдат. А другая песня – про единый фронт. Чтобы все шли против фашистов.

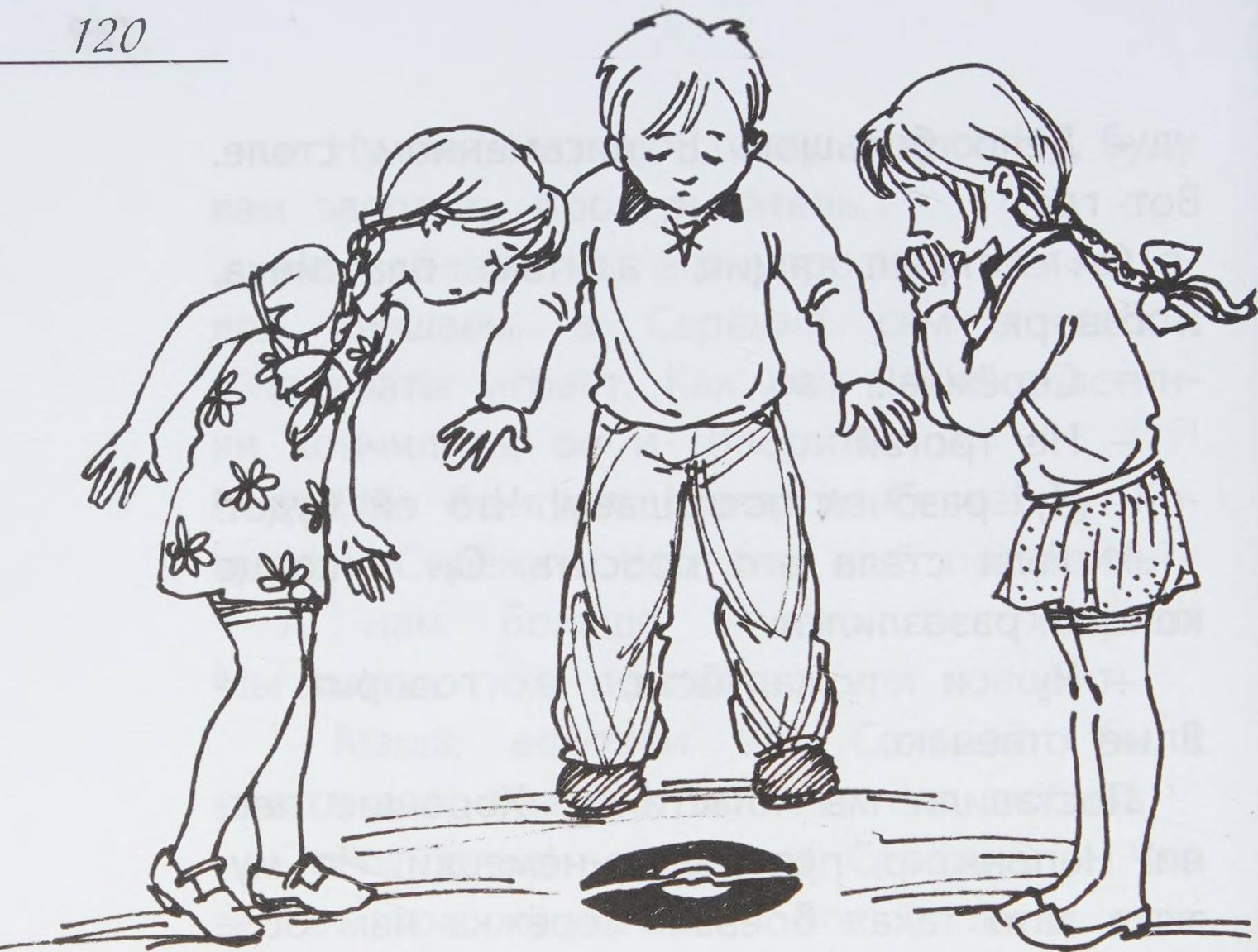
– Откуда ты всё это знаешь?

– Папа ставил дяде Игорю и тёте Зине. Ты спала, а я слышал. И ещё кому-то он ставил. Тёте Наде, что ли...

– Тёте Наде?

– Ну да. Она послушала и говорит: смотри ты, у немцев тоже, оказывается, были порядочные.

Я так удивилась, что папа ставил тёте Наде пластинку, и вскочила с дивана.

И уронила стул. Прямо на пластинку. Мы все втроём стоим и не знаем, что делать. Прямо пополам разломилась. Серёжка говорит:

– Чёрт какой! Сейчас вот как дам тебе! Что мне теперь будет?

– Не бей ты её, – просит Галя. – Я скажу, что это я разбила.

– Да, ты! Папа же знает, что вам без меня не завести было.

– Давай положим на место, а?

– Ну и что будет?

– Может, папа не заметит?

– Дура ты, Машка! Рано или поздно заметит.

– Нет, так нечестно, – говорит Галя.

Галя уж слишком какая-то правильная. Подумаешь, нечестно! Главное, чтобы папа хоть сегодня не заметил. И мы сложили обе половинки, как целые, и сунули на место.

Раньше я бы очень-очень расстроилась. А теперь – боюсь папу, и всё. А что его любимой пластинки больше нету, то мне не жалко. Потому что он на нас будет ругаться. А нам на него нельзя было ругаться, когда он не по правде поступил. Вот.

Только мы всё убрали и закрыли проигрыватель, папа идёт. Весёлый такой. Он последнее время вообще ласковый и весёлый. Пришёл и спрашивает:

– Где мать?

– В институте.

– А у вас как дела? Случилось что-нибудь?

– Нет, – говорю я, – ничего не случилось.

– А ты, Галя, почему невесёлая?

– Нет, я ничего.

А сама – к двери. И мы за ней – во двор. Галя ушла, а мы стоим во дворе и боимся идти домой.

– Серёжка!

– Ну?

– А вдруг папа правда нас побьёт?

– Вот ещё!

– Но ведь он сказал: голову сорву, кто дотронется.

– Он нас не бил никогда и не будет.

– А вдруг? Тогда убежим?

– Нет.

– Почему?

– Ну, чего ты ко мне пристала? И без тебя тошно.

Тут дождь пошёл. Нам холодно стало. А папа что-то нас не зовёт. Все ребята давно разошлись, мы одни во дворе болтаемся. Пришлось всё-таки идти домой. Пришли, а папа сидит один и пьёт чай.

– Зачем, – говорит, – вы сюда пришли?

А мы молчим. Он, значит, уже увидел! Так быстро!

– Ну, – говорит папа, – отвечайте. Зачем вы пришли сюда?

– Во дворе холодно.

– Ах, холодно?

Я говорю:

– Папа, чего ты сердишься?

– Ты не знаешь?

– Нет.

– И ты, Сергей, не знаешь?

Серёжка сам меня толкает, а сам говорит:

– Нет.

– Вы думаете, я за пластинку сержусь? – спрашивает папа. – Чёрт с ней, с пластинкой. Я вас видеть не могу. Вы мне отвратительны! Потому, что вы врёте. Всё могу простить, только не ложь. Убирайтесь отсюда.

– Куда? – спрашивает Серёжка.

– Куда хотите.

Мы ушли в кухню. Серёжка меня как тряхнет:

– Чего ты врала?

– А ты чего?

– Я потому, что ты.

– А я потому, что боялась.

– Что теперь делать?

– Придётся просить прощения.

Но папа нас не простил. Он сказал, что с врунами не разговаривает, и велел нам ложиться спать.

Каникулы

Вот и пожалуйста! Мы перешли в третий класс. Пришли домой и принесли табели. А с табелями книжки. Мне – «Три толстяка», а Серёжке – «Румынские сказки». Это за хорошие успехи и отличное поведение. Отличное! А Бубнову Саше ничего не дали, только похвалили.

Очень было красиво в школе. На втором этаже, в этом зале, где у нас всегда утренники устраиваются и где я зимой лисичку-сестричку играла. Над сценой плакат повесили, чтобы все хорошо отдыхали. И кругом цветы. На столе – красная скатерть.

Сел за стол директор Алексей Иванович. И завуч. И наша Мария Тимофеевна. Ну, и других вторых классов учительницы. А Тамара Ивановна по пению за рояль села. И директор сказал, что все хорошо поучились и перешли в третий класс. Кроме, конечно, Кольцова, но он вообще сумасшедший: никогда уроки не делает и остался во втором классе. Сашка Бубнов говорит: у него мозги не работают, потому что его очень дома кормят.

Алексей Иванович ещё много говорил. Что мы должны летом научиться плавать и бегать. Потому что мы будем жить при коммунизме, и, значит, всё надо уметь. А ещё он спросил:

– Поднимите руки, кто умеет мыть посуду.

И поднялось рук мало-мало.

– Плохо, – говорит Алексей Иванович. – Очень плохо. Чтобы все за лето научились. А подметать кто умеет? Воротнички себе пришивать? Форму гладить?

А я поднимаю руку и думаю: вот сейчас спросит, кто умеет косы заплетать, что тогда будет? Серёжка поднимет, а я нет? И все ребята засмеются. Но он про косы не спросил, только про мытьё

полов. И всего-то подняли руки Бубнов, мы с Серёжкой да ещё три девочки из других классов.

А Мишка Кузнецов совсем ни разу руку не поднимал. Хотел было поднять, да испугался, что ребята не дадут соврать. Потому что за него всё мама делает. Даже завтрак себе разогреть не может.

А потом стали табели раздавать и книжки. И Тамара Ивановна на рояле играла, только не всем. Наш-то класс второй «А», значит, нас первых вызывали. И самую первую – нашу Галю Беликову.

Мария Тимофеевна сказала:

– Поздравляю тебя, Галя. Ты хорошо работала – и здесь отличница, и в музыкальной школе.

А потом ещё много ребят вызывали. У нас шесть человек в классе отличников. После отличников – тех, кто без троек. Только нам уже не играли. Просто выдали табели и книжки. А у кого тройки – тем только табели. Когда всё уже кончилось, смотрю – наша мама пришла. В дверях стоит. Так мне обидно стало, что она не видела, как мы на сцену ходили и Алексей Иванович нам руку пожал. А потом смотрю – и папа с ней.

Интересно, у других ребят больше мамы и бабушки в школу ходят, редко у кого папы, а у нас и мама и папа сразу. Это потому что мы близнецы!

И вдруг Мария Тимофеевна говорит:

– Из второго «А» класса я должна отметить особенно хорошо поработавших ребят. Это, во-первых, Беликова Галя – о ней я уже говорила. А ещё Комарова Маша...

Серёжка меня толкает: встань. А мне и не встать. Вот, оказывается, как я хорошо поработала!

– Потому что, – говорит Мария Тимофеевна, – Комарова Маша с арифметикой не в ладах. И всё-таки девочка подтянулась, получила твёрдую четвёрку. Это очень важно, чтобы человек шёл вперёд и не стоял на месте. И, надо сказать, у нас многие идут вперёд. Например, Саша Бубнов.

Тут все ребята посмотрели на Сашку, и наша мама ему сразу заулыбалась. А папа даже помахал рукой. Мария Тимофеевна объяснила, что наш Бубнов в четвёртой четверти не получил ни одной двойки. И ещё она про многих ребят говорила. А больше всех хвалила Вову Иванова-второго, потому что он хоть долго

в больнице лежал, а в третий класс всё равно перешёл.

Обидно только, что Мишку Кузнецова похвалили. Мария Тимофеевна такая справедливая, неужели она не понимает, что Мишку никто в классе не любит? Она говорит: мальчик серьёзный, добросовестно относится к занятиям. Странные взрослые! Разве это главное – занятия! Всё равно он вредный и никому не нужный, их Мишка. Все пятёрки у него? Подумаешь, пятёрки!

Ещё был концерт. Наша Галя играла на рояле, а Сашка танцевал. Он вообще здорово танцует – вприсядку, лучше всех ребят.

Когда всё кончилось, мы пошли к маме и папе. Они сказали Марии Тимофеевне спасибо и собрали нас всех в толпу.

– Ну, – говорит мама, – теперь идёте к нам. У меня кое-что приготовлено.

И мы все пошли. Галя, Бубнов, мы с Серёжкой. Вовы Ивановы – первый и второй. А Кузнецов один домой пошёл. Ну и пусть идёт!

Часть четвёртая

ЛЕТО

Наш ребёнок

Вот уже третий день у нас каникулы. И уже немножко скучно стало. Всё одно и то же: встанем утром – и в школу идти не надо, делать нечего. Приходит Бубнов – бежим во двор. Надоест во дворе – в детский парк. На лодке без взрослых не покатаешься – паспорта нету. А Бубнов говорит: давайте лучше к вам пойдём в космический корабль играть. Как же – в корабль! Это надо, во-первых, двух собак со двора привести. А собачьи хозяева ругаются. И мама тоже.

– Вы, – говорит, – два дня только дома, а посмотрите на комнату: как Мамай войной ходил.

– Какой ещё Мамай?

Ну, пока мама про Мамай рассказывала, интересно было. А потом она на занятия ушла, и мы в того Мамай играть стали. Еле-еле потом с папой всё убрали.

Сегодня же с утра и вовсе невесело. Мама дома – шуметь нельзя. На улице

дождь – гулять не пускают. И вдруг – звонок. Мы с Серёжкой думали: Бубнов идёт. Побежали открывать. А там тётя Зина стоит. И с Наташкой.

– Мама дома? – спрашивает.

А мама уже сама выходит.

– Что случилось?

– Таня, – говорит тётя Зина. – Такая беда: меня в больницу кладут. И Наташеньку некуда деть: ведь я её не кормлю, так в больницу, значит, не возьмут. А Игорь на работе. Может, вы до вечера оставите её? Он заедет с завода.

– Конечно, – говорит мама. – Конечно, оставим, какой разговор. Да вы идите в комнату. И зачем до вечера? Мы совсем её оставим. Что он там один делает – мужчина всё-таки. А я и выкупаю, и постираю. Ребята вот за молоком сходят в детскую кухню.

Тётя Зина обрадовалась так! Стала бутылку вынимать на молоко. Рассказала Серёжке, куда идти надо. Всегда они Серёжке рассказывают: думают, он и правда старший. Ну, ладно же. Я зато буду Наташкины пелёнки стирать. Насчёт этого с мамой можно договориться.

Вот мама с тётёй Зиной чего-то пошепталась и говорит:

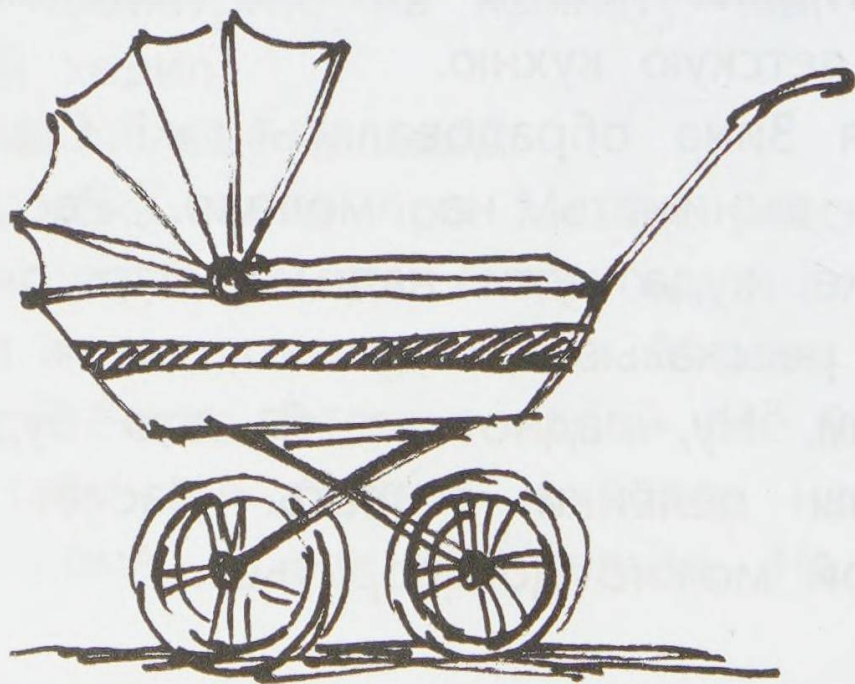
– Нет, так нельзя. Как же вы одна в больницу пойдёте? Ну-ка, ребята, вот вам поручение. Сейчас мы Наташу вниз снесём, там её коляска стоит. Ты, Маша, будешь во дворе с ребёнком гулять. А Серёжа за молоком пойдёт. Потом я вернусь, и мы девочку накормим.

Тётя Зина спрашивает:

– Таня, а как же вы на работу пойдёте?

– Ничего, – говорит мама, – мне сегодня к трём. Да вы не беспокойтесь: теоретики тут совсем от безделья скисли. Они всё сделают. Если, конечно, захотят.

И хитро так на нас посмотрела. А мы разве не хотим! Пусть бы совсем все уехали! Не пропадёт у нас ребёнок!

Ну, стали мы Наташу выносить. Несла, конечно, мама. Серёжка двери открывал, а я сзади бежала. Вынесли, уложили в коляску – и тут как раз тётя Надя идёт.

– Покажите, – говорит, – мне ребёнка.

Я бы, например, не стала показывать. Но мама с тётей Зиной отвернули накидку – красивая такая у Наташи накидка, кружевная. Ну, спит ребёнок. И ничего особенного.

А тётя Надя как начала:

– Ах ты милочка! Раскрасавица писаная!

Я-то думаю: интересно, что она вечером на кухне будет говорить? А мама рассказала тёте Наде, что Наташа у нас пока останется. И зачем она всегда ей всё рассказывает?

– А сейчас как же? – спрашивает тётя Надя. – Вы уходите никак?

– Уходим. Наташа с ребятами останется.

– С ребятами! Ишь ты, няньки нашлись! Им самим ещё няньку надо. Ну, ничего. Идите спокойно. Я и переменею, и кашку сварю.

Тётя Надя вошла в парадное, а мама мне:

– Смотри, Маша, чтобы никаких кашек. Сама приду и накормлю.

Ушли все. Наташа спит. Я её на солнышко поставила и сижу рядом. А девчонки в лапту играют. Меня зовут. Спит Наташа. Ну, я и пошла в лапту поиграть – немножко совсем. Только мне – очередь водить, слышу – кричат:

– Это чей ребенок? Где его мать? Ребёнок надрывается, а никто не слышит.

Я как побегу к Наташе! И тут смотрю – наш Серёжка появляется. С молоком и с Бубновым. Спокойно так подходит.

– Что за шум? Наш ребёнок. А что?

Все как засмеются.

– Где вы его взяли? – девчонки спрашивают.

– В капусте нашли, вот где.

– Нет, правда, ваш?

– А чей же?

– Ну, так забирайте его! Кричит очень. Серёжка говорит:

– Во-первых, не его, а её. А во-вторых...

Чего уж тут во-вторых! Надрывается наша девочка – надо домой нести. Вот взяли мы с Серёжкой коляску, Бубнов – молоко. Бубнов идёт – двери открывает, а мы с Серёжкой ребёнка тащим вместе

с коляской. Тяжело, между прочим. Еле-еле до второго этажа донесли.

– Серёжа, не могу, давай отдохнём.

– Какое отдохнём – плачет человек. Слабосильная ты! Бери молоко.

Ну, с Бубновым они втянули кое-как коляску к нам на третий этаж. Интересно, а как тётя Зина её к себе на пятый носит?

Принесли мы Наташу в комнату, положили на диван. Бубнов говорит:

– Я её покараулю, а вы идите руки вымойте.

– Зачем руки?

– Так надо. Я знаю: видел маленьких.

Пришлось руки мыть. А Бубнов хитрый: покараулю. Сам, небось, руки не мыл!

Ну, развернули мы её. Она мокрая-премокрая. И сразу кричать перестала. Нашли мы с Серёжкой сумку тёти Зины, достали чистые пелёнки, а эти в таз положили и водой залили. Стали Наташу заворачивать. Как же, завернёшь её! Она кричит, а сама ногами дёргает. Ноги завернём – руки высовывает. И всё машет руками своими. И кричит смешно так: ля-ля-ля!

Что делать? Пришлось тётю Надю позвать. Нельзя же, чтобы ребёнок кричал.

Она пришла и завернула сразу. А мы поглядели, как она заворачивает. Ладно, думаем, в следующий раз сами будем знать.

Тётя Надя взяла её на руки и стала по комнате ходить. Поёт чего-то, приговаривает. И замолчала Наташа. Заснула.

– Вот, – говорит тётя Надя. – Возьмите её, няньки. Чистое наказание.

Ну, пока мама пришла, Наташа у нас три раза крик поднимала. Но мы теперь тётю Надю не звали. Серёжка сразу её на руки – и гуляет с ней по комнате. И поёт:

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи кругом огляди...

А Наташе нравится. Она сразу замолкает.

Мама пришла, молоко разогрела – прямо в кастрюльку с горячей водой поставила. И опять отправила нас с Наташей гулять. Только теперь уж мы её одну не оставляли. Как вынесли во двор, все ребята сбежались:

– Комары, покажите ребёночка! Дайте покатать!

Но мы всем не давали. Мы – у кого руки чистые. А у Серёжки у самого –

грязнющие, смотреть страшно. Но его ведь никто не проверял!

А когда дядя Игорь прибежал, мы говорим:

– Вот он, ваш ребёнок. Остаётся у нас. Чистый, сытый и убаюканный. Идите спокойно домой. А нам некогда. Мы сейчас будем пелёнки стирать. Скоро вечернее кормление.

Как мы обедали в столовой

Сегодня нашей маме совершенно некогда. Во-первых, тётю Зину выписали из больницы и мама отвозила Наташу домой. А жалко: мы уже привыкли, что у нас ребёнок. Немножко, правда, надоело с ней возиться, но ещё бы три дня ничего.

А ещё мама сегодня к себе в детский сад три раза бегала. Утром пошла – отработала, к тёте Зине съездила – опять в детский сад зашла. И ещё сейчас, перед нашим обедом, а ихним полдником, опять сбегала. Потому что у них какой-то там Карлихин Олег появился, в интернатской группе. Плачет и домой хочет, к маме своей. А наша мама ему сильно понравилась, и он только тогда не плачет, когда она с ним разговаривает.

– Ну, вот что, теоретики, – говорит мама. – Мне сегодня некогда с обедом возиться. Я вечером опять пойду Карлихина спать укладывать. Так что сейчас мы с вами идём обедать в столовую.

– Ура!

Потому что мы любим в столовую ходить. Она близко – у нас на углу. Раньше там была пивная.

А теперь в столовой всё не так сделали. У них в первой комнате – буфет. Пожалуйста – пирожки, кофе и молоко. Мы когда в школу идём, то видим: многие там завтракают. А сами в окно посматривают: не идёт ли трамвай. Если идёт – то сразу свой пирожок хватают и бежать. Очень удобно.

А во второй комнате – столики, и можно обедать. Только некоторые дяденьки всё равно бутылки приносят. Поставят под стол – и пожалуйста. Никто не видит, чего они пьют. Но не ругаются.

Вот пришли мы в столовую. Серёжка меня истолкал всю:

– Скажи про лимонад.

Потому что мы очень лимонад любим. И если уж в столовой обедаем, то, может, мама купит лимонаду?

А она и сама купила. Вот уселись мы за столик, а рядом тоже семья сидит: папа у них военный, мама и девчонка. Побольше нас немножко. И у них лимонад.

Только нам принесли такие специальные щи – солянка называются, – и приходит пьяный. Это уже сразу видно, что пьяный. Сердитый такой! И требует у официантки портвейна! А официантка не даёт. «Вы, – говорит, – гражданин, уже вполне достаточно выпили. Вам больше ничего не полагается. Вот лимонаду – пожалуйста».

А он не хочет лимонаду. Он портвейну хочет. Стал посреди столовой и кричит, что на свои пьёт, на трудовые. И очень сильно ругается. Официантка говорит:

– Идите, гражданин, домой. Не нужно вам ничего.

А пьяный как пошёл разные слова кричать – одно за другим! Тётя Надя всегда говорит, что у неё от таких слов уши вянут. И у меня, я чувствую, скоро начнут вянуть. Военный за соседним столиком и говорит своей жене:

– А ещё Ленинград называется. Смотри, какое безобразие!

И мне так обидно за наш Ленинград стало! Серёжке тоже, наверное. А маме – точно обидно, потому что она как покраснеет, да и говорит военному:

– Вот вы бы чем Ленинград ругать, вывели этого пьяного.

Но военный молчит. А пьяный ещё хуже выражается. Официантка ничего с ним поделать не может. В конце концов такой шум поднялся! И тут наша мама как вскочит! Да как подступит к пьяному!

– Сию, – говорит, – минуту отправляйся отсюда, понятно? Чтобы я, – говорит, – ни одного слова твоего больше не слышала. Ещё чего выдумал – при детях своим языком болтать. Ты оглядись вокруг – ведь у самого, небось, дети дома сидят!

Пьяный-то и правда огляделся. И ко мне сразу:

– Ишь, какая глазастенькая.

А я испугалась и молчу. Серёжка ко мне свой стул придвинул. Но пока мама с пьяным разговаривала, официантка милиционера привела. Мы его знаем, этого милиционера: он не разрешает на велосипеде по панели ездить. И по мостовой тоже не разрешает.

Он и говорит пьяному:

– Пройдёмте, гражданин.

А пьяный ему вежливо так:

– Да я что, товарищ сержант. Я ведь ничего!

Хорошее дело – ничего! Вот до чего допился – милиционера обманывает! Но милиционер его всё равно увёл. А официантка военному говорит:

– Стыдно, товарищ. Вы тут единственный мужчина и не вступились. Вот через таких и получаются у нас безобразные случаи.

И принесла нам котлеты. А военный ей:

– Вы меня не стыдите. Я сам знаю, что делаю. Вам за это деньги платят, чтобы пьяных выводить, а я при чём?

Мама что-то ему хотела сказать:

– Ну, знаете, товарищ...

А он:

– Вы тоже, гражданка, своих детей лучше воспитывайте. Вон они у вас в солонку руками полезли. А я уже воспитанный. Думаете, это ваше выступление чему-нибудь помогло? Пришёл милиционер – и справился. А если бы не пришёл, ничего бы мы с вами не поделали.

Мама замолчала. Она, вижу, и правда думает: без милиционера бы не справились. Только военный врёт. Он потому так говорит, что сам пьяного испугался. Это, конечно, правильно официантка сказала, что он единственный мужчина и не вступился.

Вот я обо всём этом думаю, а про Серёжку и забыла. Забыла, какой у нашего Серёжки характер. Он этого совсем не любит, чтобы с мамой невежливо разговаривали. Только я посмотрела на Серёжку – и чувствую, сейчас что-то будет. Потому что он уже весь красный сидит. Наверное, придумывает, что бы такое по-лучше сказать. И говорит громко так:

– Мама, а этот дяденька называется защитник Родины?

Мама на него так хитро посмотрела и отвечает спокойным голосом:

– Ты же видишь, что дяденька военный. Значит, защитник Родины.

А военный с женой даже шею вытянули и смотрят на Серёжку. Девчонка тоже шею вытянула. Бант у неё розовый, капроновый. Серёжка тоже на них посмотрел и говорит:

– Как же он будет Родину защищать, если свою дочку не мог от пьяного защитить?

Всё-таки Серёжка молодец, хоть и дерёт меня! Я бы никогда не придумала так сказать! Официантка как засмеётся! И даже мама улыбнулась. А военный ужасно разозлился.

– Теперь, – говорит, – я не удивляюсь, что в Ленинграде так много хулиганов и пьяниц. Я вижу, кого здесь некоторые чересчур культурные родители воспитывают. Подайте мне сию минуту счёт.

Заплатил он официантке, встал и пошёл к двери. Жена за ним идет, а девчонка сзади. Я, конечно, ей язык показала. И она мне тоже. Так что и она не особенно прекрасно воспитанная.

Ушли они, а Серёжка говорит:

– Я бы, например, такого не стал в армии держать.

А мама ему:

– Я бы тоже не стала. Но ты, друг, тоже учти: рано тебе со взрослыми спорить.

– И ничего не рано, – отвечает Серёжка. – Или я должен спокойно смотреть, как человека обижают?

Мама ему ничего не смогла ответить. Поэтому мы тоже заплатили официантке за обед, попрощались с ней и пошли домой.

Велосипед

У меня вчера велосипед украли. Вот как! Поехала я к бетонке – где военные машины ездят. А за этой бетонкой – поле. И там цветов много. Ну, я пошла по полю, велосипед тащу и цветы собираю. Неудобно очень. И вдруг смотрю – горка. Конечно, мне с велосипедом на эту горку не влезть. А может, там самые лучшие цветы растут?

Я велосипед положила в траву и пошла на горку. Ничего там особенного нет, но вижу – с другой стороны дяденька траву косит и мне чего-то головой качает. Я к нему.

– Ты что же свой велосипед бросила?

– А что с ним будет? Сейчас возьму.

– Смотри, как бы он не уехал.

Смешной какой дяденька: куда же велосипед без человека уедет?

Дяденька стал косить, а я за ним иду и скошенные цветы подбираю. Потому что вечером мама приедет, мы эти цветы в банку поставим, и она обрадуется.

А дяденька говорит:

– Идём все-таки посмотрим, что с твоим велосипедом. Непокойное моё сердце. Приходим – а его нету.

– Ну вот, – говорит дяденька. – Так я и знал. Свистнули.

– Кто свистнул? Никто и не свистел. Я не слышала.

– Ох ты, дурочка. Украла велосипед-то. Украла, и всё.

А я не верю:

– Как это «украла»? У нас же коммунизм.

А дяденька почему-то рассердился.

– Коммунизм, – говорит, – тогда будет, когда всех растяп выведем. Вроде тебя.

Искали мы, искали – нет велосипеда. Я иду домой и плачу. Что теперь маме-то сказать? Велосипед, конечно, нам уже мал. Серёжке уже «Орлёнка» купили. А мне рассчитывали этим летом не покупать. Думали, я на маленьком прокатаюсь. И вот – пожалуйста. Где он, маленький?

Прихожу домой: мама уже приехала. Её Серёжка на «Орлёнке» встречал. Добрая такая.

– Что, – говорит, – моя доченька не-весёлая?

Пришлось сознаваться. Но мама не особенно ругалась. Только говорит:

– Люди вы, люди. Думаешь – вы большие, а вы ещё совсем у меня никудышные. Вот и выходит, что теперь всё лето будешь без велосипеда сидеть.

Это плохо – без велосипеда. Но что поделаешь – не надо быть растяпой. Только Серёжка будет кататься, а я что? Мне ведь «Орлёнок» велик. А маленького уж нет велосипеда. Нет. Ну, ничего. У нас рядом мальчишки живут – они, может, дадут покататься. Я-то им давала раньше. Когда ещё не украли. Ещё не свистнули когда.

Мама, наверное, потому добрая, что мы с утра пол вымыли. И всё в комнате убрали. Мама, конечно, сварила нам обед. Написала на бумажке, что когда есть. Выстирала любимый Серёжкин комбинезон. И говорит:

– Давайте спать ложиться. А то мне завтра вставать в шесть часов. Пока это от вас до города доберёшься. Завтра вечером папа приедет. Ничего, недолго осталось вам одним управляться. Вот сдам экзамены – и к вам перееду. А потом и папа в отпуск пойдёт.

Это правда, надоело нам тут одним сидеть. В городе мы скучали – и здесь уже соскучились. Сначала мама хотела нас в лагерь отправить, но пока она собиралась, у папы на заводе уже разобрали все путёвки.

А в городе невозможно скучно стало. Бубнов в лагере, Галя в Крыму. Мы с Серёжкой только и делали, что дрались. Вот папа и отвёз нас сюда, в Токсово. Ему один товарищ с их завода предложил: пускай, говорит, твои дети поживут у меня на даче. Всё равно там сейчас пусто. Вот мы и живём.

Каждый вечер кто-нибудь приезжает – или папа, или мама. А днём мы одни.

Сегодня утром мы проснулись – нет мамы. И папа только вечером приедет. День длинный-длинный. Купаться идти нельзя – одним не разрешают.

Серёжка сел на «Орлёнка» и уехал. А я пошла к Анне Петровне – соседской старушке – в огород. Мы с ней морковку полем и песни поём. Хорошие спели песни – «Степь да степь кругом» и ещё «Подмосковные вечера». Весёлая старушка! У неё внучка такая, как я, в городе Витебске.

Вдруг слышу – Толька соседский меня зовёт. И Валерка с ним. Я побежала. А Толька спрашивает:

– Машка, хочешь на велосипеде покататься?

– Хочу.

– Скажи плохое слово, тогда дам.

– Какое плохое?

А он как скажет! Такое слово только пьяные говорят.

– Не скажу.

– Ну как хочешь.

И пошёл с велосипедом. И Валерка с ним. А мне так захотелось на велосипеде покататься! Я кричу:

– Постой, Толька!

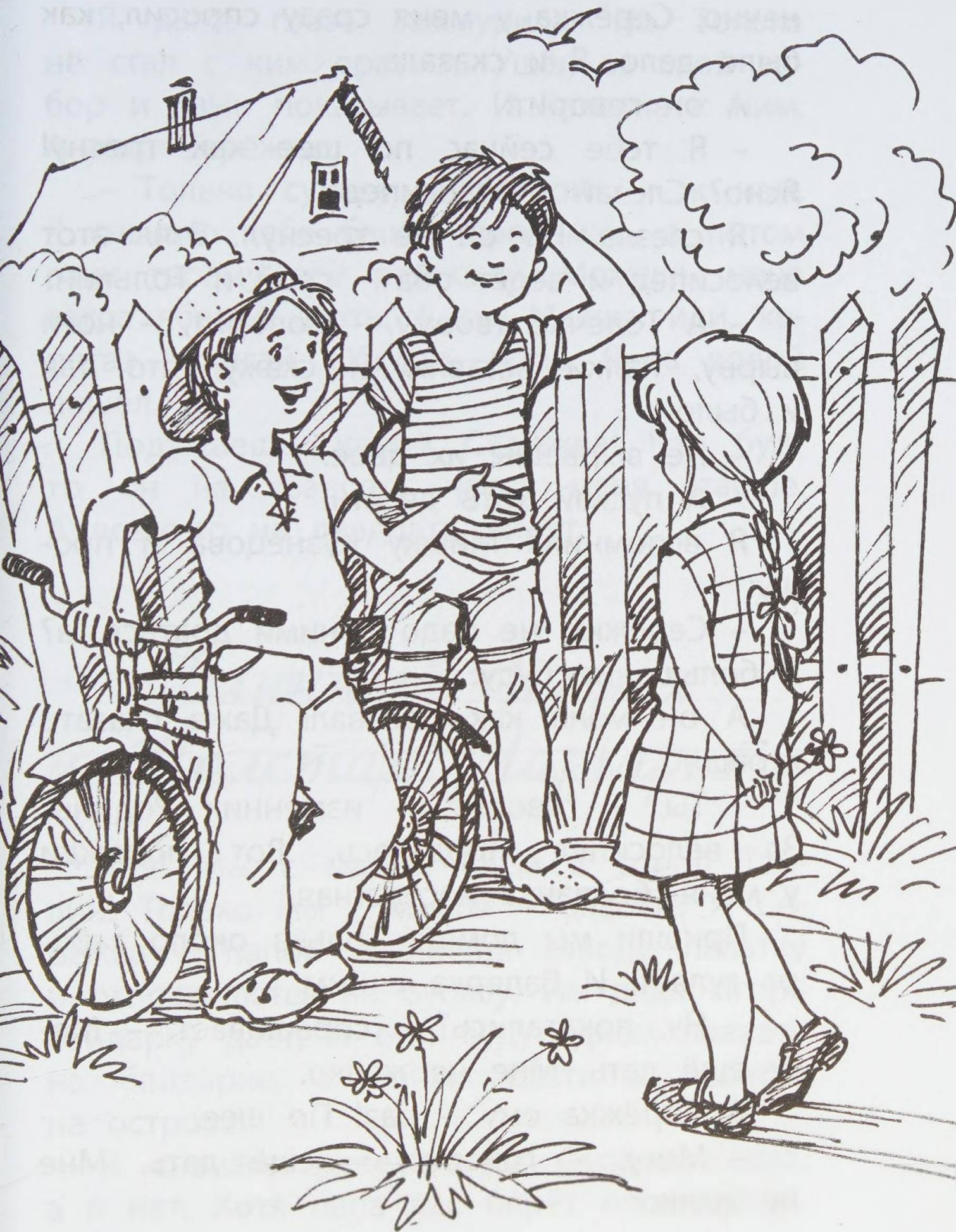
И сказала плохое слово. А они мне дали велосипед. Но мне совсем расхотелось кататься. Всё-таки я села и поехала. И как раз навстречу наш Серёжка едет.

– Откуда у тебя велосипед?

– Толька дал.

– А чего ты злая?

Я на Серёжку посмотрела – и как зареву. Потому что мне стало обидно на Тольку: я ведь ему без всяких слов велосипед давала. А он вот как! Ну, ко-

нечно, Серёжка у меня сразу спросил, как было дело. Я и сказала.

А он говорит:

– Я тебе сейчас по шее как тресну! Ясно? Слезай с велосипеда.

Я слезла. Но он не треснул. Взял этот велосипед и ведёт оба – свой и Толькин.

– А Толечке твоему, – говорит, – ноги вырву, палки вставлю и скажу, что так и было.

– Не вырвешь: их двое.

– А пускай хоть десять.

Я вспомнила Мишку Кузнецова и прошу:

– Серёжка, не надо с ними драться, а? Я больше не буду.

А он меня как обозвал! Даже сказать страшно.

– Ты, – говорит, – изменник Родины. За велосипед продалась. Вот подожди у меня, болванка несчастная.

Пришли мы домой. Толька около забора гуляет. И Валерка с ним.

– Ну, покатались? – спрашивает. – Могу ещё дать. Мне не жалко.

А Серёжка ему – раз! По шее.

– Могу, – говорит, – ещё дать. Мне не жалко.

Я даже глаза зажмурила. Но Толька не стал с ним драться. Ушёл за свой забор и язык показывает. И Валерка с ним. А наш Серёжка:

– Только сунься, – говорит, – к нам. Я сначала тебе башку проломаю, а потом отцу твоему всё расскажу. Можешь меня тогда ябедой звать. А ты, Машка, иди, керогаз зажигай. Обедать пора. Я за водой пошёл.

Подумаешь, какой Серёжка! Как будто он на двадцать часов меня старше. А всего-то на двадцать минут.

Длинный Генрих и Толстая Маргарита

Ура! Мы с мамой едем в город Таллин! Только мы с мамой – вдвоём! А Серёжка с папой взяли на заводе палатку и отправляются на Вуоксу. Им дядя Игорь байдарку даёт, и они будут днём плавать на байдарке, а ночью спать в палатке на острове.

Я сначала ревела, что Серёжка едет, а я нет. Хотя папа нас берёт по очереди,

и в прошлом году я с ним ездила, и в будущем поеду. А всё равно обидно. Но мама говорит:

– Мы с тобой рыжие, что ли? Поедем в Таллин.

Папа спрашивает:

– Может быть, у вас есть на это деньги?

– Ну и что? – говорит мама. – Всё равно ты знаешь, что нам надо одну вещь покупать. Так что шуба у меня и в этом году не получится. Значит, можно прогулять остальные шубные деньги.

Папа сказал: правильно. И вот мы едем!

Во-первых, мы купили билеты на таллинский автобус. Таких автобусов больше нету – он весь длинный, снизу красный, а сверху голубой. Дверь у него только одна – спереди. В неё все входят и выходят. А внутри – кресла с ручками и со спинками. Каждому человеку – отдельное кресло. Хочешь – сиди в нём, а хочешь – потяни за специальную ручку, и спинка отъедет назад: можешь спать.

Сначала я спала. Потому что ехать было неинтересно: вокруг дороги кусты, и больше ничего. А потом мама меня разбудила:

– Смотри, Маша, сейчас переедем через мост – и будет уже Эстонская республика. Смотри, видишь крепость? Это Ивангород. А через мост переедем – там Нарва, Эстония.

Пока мы стояли в Нарве, мама купила газет и мне журнал «Пионер». А потом рассказала мне про Нарву. Это, оказывается, какой старый город! Ещё когда нашего Ленинграда не было, Нарва уже была.

После Нарвы ехать стало очень интересно. Остановки через каждые полчаса, и в одном городе мама купила яблок и малины.

А дорога здесь до чего красивая! Кругом лес, и дома в городах весёлые, светлые! В городе Кохтла-Ярве, откуда к нам в Ленинград идёт газ, мы видели высокие горы – терриконы. Мама сказала, что это земля, которую вынули из шахт. Только я не поняла, почему эта земля белая.

Перед самым Таллином я опять заснула и вся стала растрёпанная. Когда стали подъезжать, мама переплела мне косы, и мы вышли. Ну, и ничего особенного. Площадь какая-то, машины ходят, трамваи. А папа говорил: вы как выйдете из автобуса, так и ошалеете от красоты. Я очень хотела спросить у мамы, когда же будет красота, но не спросила. Потому что мы ещё дома договорились не приставать без толку.

Вот идём мы, идём – и вдруг видим огромный универмаг. И я как раз вспомнила: интересно, какую вещь мама с папой собираются купить? Но мы ничего не купили. Зашли в универмаг, посмотрели, что продают, и вышли в другую дверь. И – правду папа сказал – ошалели! Тут перед нами открылся старый город. Мама говорит:

– Ты понимаешь, до чего это здорово? Бежим!

Взялись мы за руки и быстро пошли по улицам. Я никогда, никогда ещё не видела такого города. Улицы узенькие, и куда ни пойдёшь, везде старинные дома и церкви. Мама говорит:

– Смотри, Маша, так и кажется, что сейчас вот из-за того угла выедет рыцарь на коне.

А я прямо вижу это всё – и рыцаря, и коня. Но мама не стоит на месте, тянет меня всё дальше и дальше по улицам. Тучи надвигаются, все люди торопятся по домам. А нам некуда торопиться. Мама говорит:

– Знаешь, что мне нравится: незнакомый город, идти нам некуда, где ночевать будем, неясно. Идём по улицам и идём. Не пропадём же. Правда?

– Конечно.

– Ну, пошли дальше.

Небо стало совсем тёмное, а мы всё идём. Смотрим – толстая каменная башня. И в ней – щели, некоторые пошире, некоторые поуже.

– Мам, это бойницы? Отсюда стреляли?

– Да. Пойдём наверх, оттуда весь город виден.

И правда: поднялись мы по каменной лестнице, потом ещё выше – и оказались над всем городом. Красота оттуда! Мама говорит:

– Как в сказке! Правда, Маша? Сказочный город!

Стоим мы на площадке и смотрим на Таллин. Мама мне показывает городскую стену и башни. Они все разные, и в каждой – бойницы. Дождь пошёл, а мы не уходим. Мы представляем, как лезут на город враги, как сидят за стенами люди, стреляют в своих врагов, а те лезут...

– Мама, смотри, ту толстую башню отсюда немножко видно!

– Ой, Маша, что я вспомнила! Мне папа рассказывал. Эта башня называется Толстая Маргарита. А вот, посмотри, вот эта высокая башня – Длинный Генрих. Они друг друга любили, а им пришлось разлучиться. И стоят они далеко друг от друга навечно. Генрих хоть её видит. А она его – нет.

– Это правда или папа сам придумал?

– Не знаю. Смотри, дождь прошёл, а стало ещё темней. Уже поздно.

– А ночью Генрих не видит свою Маргариту?

– Ночью не видит. Зато утром, наверное, радуется. Ну, пойдём искать ночлег.

И мы пошли в гостиницу. Мама говорила, что это безнадёжный номер. И ничего не безнадёжный. Нам сразу дали кровать. А в комнате уже спали три тётеньки. Но мы не стали шуметь, а тихо легли. Спать хочется, а заснуть не могу. Только закрою глаза, всё опять вижу: крепость, улицы, башни...

– Мам, какой город лучше всех на свете?

– Для меня, конечно, Ленинград лучше всех городов. А для таллинца – Таллин. Для парижанина – Париж.

– Ага, сама говоришь: для тебя Ленинград лучше. А про Таллин сказала: сказочный.

– Глупыш ты мой. На свете много хороших дочек, а для меня ты лучше всех.

– И ты для меня лучше всех мам.

– Ну вот. Поэтому для нас Ленинград – лучший город.

– Ага. Мама!

– Что?

– Ты почему раньше в Таллине не была?

– Ох, Маша, я мало где была. А до чего хочется! В Киев хочу, в Ярославль, в Новгород... Много куда. Самое интересное – это ходить и ездить. А теперь спи.

Утром мы быстро поели и снова побежали смотреть город. Только тут мы пристроились к экскурсии, и нам всё рассказывали, рассказывали... Но я запомнила только, что круглая башня называется Толстая Маргарита, а высокая – Длинный Генрих.

Потом нас водили смотреть могилы и старинные гербы разных рыцарей. Но только это было уже не так интересно. Самое лучшее было, когда мы с ма-

мой ходили по городу, и ничего не знали, и дождь начинался, и на каждой улице было как в сказке.

Маринка-корзинка

Всё-таки я эту Маринку не люблю. А за что не люблю, и сама не знаю. Сначала она мне нравилась, потому что немножко похожа на Галю. Не лицом: у Маринки косы чёрные и глаза чёрные. Она, как Галя, петь любит. И с ней в лесу интересно: она, как Галя, видит, что я не вижу. Но всё равно не буду я с ней дружить.

Маринка приехала недавно, и всё с тех пор пошло наыворот.

Мы с мамой, как приехали из Таллина, получили от папы телеграмму, чтобы собираться и ехать на Вуоксу. Они с Серёжкой уже наплавались на байдарке и поселились на берегу этой самой Вуоксы в деревне.

Тут очень хорошо: и река, и озеро, и островов сколько! Пока у папы был отпуск, мы здесь жили вместе. Потом папа уехал, и мы остались с мамой.

Когда мы сюда переехали, то на второй же день поехали в Приозёрск. Он тоже на берегу Вуоксы, только за восемь километров от нас.

Мама, папа и Серёжка ехали на велосипедах, а я у папы на раме. У папы лучше, чем у Серёжки: он высокий, и своей головой я не заслоняю ему дорогу. Он не ругается, а Серёжка – очень.

Ну, приехали мы в Приозёрск. Папа оставил нас всех на пляже, а сам куда-то уехал. Мы выкупались, посидели – и вдруг видим: папа ведёт два велосипеда. Один – свой, а второй – новенький голубой «Орлёнок».

Мама смотрит на меня и смеётся. А я пошевелиться не могу. Неужели это мне? Вот они какую вещь хотели купить ещё до поездки в Таллин! А мы с Серёжкой никак не могли догадаться!

Папа говорит:

– Ну, что стоишь? Бери свою машину.

– Это мне?

– А кому же?

Я как села, так и поехала. Немножко, правда, крутила рулём не в ту сторону. Но ни разу не упала. И вот с тех пор у нас у всех велосипеды. Мы каждый день на них ездим – и в лес, и в Прио-

зёрск, и повсюду. А в магазин мама сама ни разу не ездила: всё мы с Серёжкой.

Вот на той неделе едем мы из магазина лесом. И вдруг девчонка стоит на тропинке. Просто обыкновенная девчонка с корзинкой. А в корзинке, правда, довольно приличные грибы. Серёжка позвонил, а она не уходит с дороги.

– Мальчик, – говорит, – дай, пожалуйста, покататься.

Серёжка слез и дал ей велосипед. Она говорит:

– Только ты мне помоги, пожалуйста, сесть. Я не умею садиться.

Серёжка снял с велосипеда сумку с продуктами и подержал ей седло, пока она села. И поехала. Ну, просто смех. Крутит рулём и направо, и налево. Неужели, думаю, Серёжке своего велосипеда не жалко? А он ничего.

Ну, познакомились мы с ней. Серёжка довёз её на раме до нашей деревни: она, оказывается, приехала к бабушке, а та рядом с нами живёт. И теперь мы все втроем каждый день. Купаться – Маринка с нами. В лес – Маринка с нами. Даже в магазин у Серёжки на раме ездит.

Когда папа в субботу приехал, то спрашивает:

– Это откуда такая красивая девочка?

– У соседей живёт, – отвечает мама. – Правда, глаза необыкновенные?

Ну, чего они нашли такого необыкновенного – глаза как глаза, только большие. А Серёжка говорит:

– Папа, чего мальчишки такие дураки, повезёшь девочку на велосипеде, а они уж сразу и дразнятся: влюбился! Жених и невеста!

Мама говорит:

– Знаешь, Серёжа, мы с папой однажды ехали на велосипедах по Ленингра-

ду – мы уже были женаты, и вы у нас были. И вдруг сзади бегут мальчишки и что-то кричат. Я думала: мы потеряли что-нибудь, замедлила ход и слушаю, что они кричат. А они: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» Мы, конечно, посмеялись и поехали дальше..

– Обидно вам было? – спрашивает Серёжка.

– Ну, чего же обидного? Смешно – и всё. Глупые мальчишки – что на них обижаться. Надо не обращать внимания – они и отстанут.

Я говорю:

– Вот Бубнов тоже на такие вещи плюёт, и всё. Его и не дразнят.

– Ясно, – говорит Серёжка.

И с тех пор он на мальчишек ноль внимания. От него и, правда, отстали, а ко мне всё время лезут: Серёжка тебя на чужую девчонку променял. Приятно разве это мне!

А вчера мы все втроём ходили за грибами. Маринка очень хорошо ищет грибы: она, во-первых, их лучше нас знает, а во-вторых, прямо чувствует, где должен быть гриб. И не жадная, всё время кричит:

– Серёжа, иди сюда, здесь белые! Серёжа, посмотри под той ёлкой, нет ли там чего-нибудь!

Серёжка – сразу к ней. А я – за ним. И поэтому у нас у всех оказалось поровну грибов. Одни мы бы столько никогда не набрали.

Идём домой, а Серёжка с Маринкой всё время от меня уходят. Я каждый раз им кричу, а потом надоело. Я и перестала кричать.

Иду, ещё грибы собираю, и вдруг думаю: что же мне так давно их голосов не слышно? Кричу – они не отвечают. А тропинка узенькая: может, я заблудилась? Может, на меня сейчас волк выскочит? Или гадюка, например. Здесь, говорят, много гадюк. Я как заору:

– Серёжка!

А он не слышит! Я бросила грибы – и бежать. Сама реву, уже устала бежать, села на тропинку и боюсь двинуться. И вдруг слышу Маринкин голос:

– Серёжа, а где у нас Маша?

Я скорее вскочила и вытерла слёзы. Смотрю: Маринка появляется с одной стороны, а Серёжка – с другой.

У Маринки в руке белый гриб, а у Серёжки – подосиновик.

– Вот она! – говорит Серёжка. – Где, Машка, твои грибы? Ты чего ревела?

– А я и не ревела совсем. Я просто бежала. Потому что на меня напала гадюка.

– Врёшь!

– Правда. Я грибы пока оставила и побежала за вами. Хотела вам гадюку показать.

– Покажи!

Мы пошли назад, а я думаю: хорошо бы там, правда, была гадюка, а то кого

я показывать буду? Но гадюки, конечно, не было. Пришлось сказать, что она уползла. Но теперь уж Серёжка от меня не отходил! Пришли домой, а мама:

– Вот эти дети! С ума сойти можно, как же я всё это буду чистить и жарить?

Серёжка говорит:

– Мы сами всё почистим и пожарим. Марина свои грибы отнесёт домой и придёт к нам. И мы всё сделаем. Марина умеет.

Марина да Марина! И когда это они сговорились, что она придёт к нам, – я и не слышала. Я говорю:

– Серёжка, знаешь, как Маринку можно дразнить? Маринка-корзинка.

А он:

– Сама ты Машка-букашка, таракашка, дурашка. Нечего дразниться.

– А ты Сергей-воробей, не гоняй голубей, голуби боятся, на крышу садятся, крыша ломается, голуби пугаются!

Я думала, он меня треснет. А он ни-сколько и не обиделся. Только сказал:

– Это и не про Сергея поётся, а про Андрея. Я не Андрей.

Вообще-то правильно. Но только мне с тех пор Маринка как-то не стала нра-

виться. Она, правда, послезавтра уедет – скорей бы. Но только вот в чём беда: я её уже пригласила к нам на день рождения. Нам шестнадцатого сентября девять лет исполнится. И зачем она мне нужна, на мой день рождения, эта Маринка-корзинка?

*Папа, мама
и мы с Серёжкой*

Как мы вчера купались! Потому что была суббота, приехал папа, и погода получилась прекрасная. Мы-то думали: уже не будем больше купаться, потому что лето кончается.

Через девять дней мы пойдём в третий класс. Лето прошло. Серёжка выучился плавать, а я нет. Но папа сказал: ничего, что я ещё не умею плавать. Я, главное, воды не боюсь и даже нырять умею. Значит, на тот год поплыву. Всегда Серёжка впереди меня, что уж тут поделаешь.

А сегодня мы едем на велосипедах далеко в лес. Уже проехали десять кило-

метров и сели отдыхать. Папа с Серёжкой полезли в какую-то щель, и папа, слышу, говорит:

– Это вовсе не дырка, к твоему сведению, а ход сообщения. Ход между траншеями.

Когда они вернулись к нам, Серёжка спрашивает:

– Папа, а ты на войне был?

– Нет.

– Почему?

– Потому что мне было десять лет, когда началась война.

– Зачем же ты тогда поёшь «Кто в Ленинград пробирался болотами»? Я думал, это про тебя.

Мама говорит:

– Немножко и про нас.

– Почему?

– Потому что мы – блокадники.

Я знаю, что они были здесь в блокаде. Только я об этом как-то забыла.

Серёжка спрашивает:

– Кто был в блокаде – всё равно что на фронте?

– Не всё равно. Но эта песня относится и к нам.

– Папа, а что вы делали в блокаду?

– Как что делали? Учились в школе. Стояли в очереди. Жили.

– Ну...

– Что – ну? Думаешь, это было так просто?

– Нет, я знаю. А «зажигалки» ты видел?

– Приходилось.

– А тушил такие бомбы?

– Тоже приходилось.

– Много?

– Сколько мог, столько и тушил.

– А мама?

– И мама.

– А вы вместе их тушили?

– Ну что ты, Серёжа, – говорит мама. – Мы же тогда не знали друг друга.

Я спрашиваю:

– А когда узнали?

– Потом, – говорит мама. – В сорок шестом году. После войны. На вечере в мужской школе.

– А как вы учились в блокаду? Света же не было!

– Учились. Приходили в школу, когда она работала. При копилках учились. В школе нам хряпу давали.

– Какую хряпу?

– Зелёные листья от капусты.

– А помнишь шроты? – спрашивает папа.

– Какие шпроты?

– Не шпроты, а шроты, – говорит мама. – Такая блокадная еда.

– Вкусная?

– Как тебе сказать... Тогда была вкусная.

– А почему вы нам никогда не рассказывали про блокаду? – говорит Серёжка.

– Вы же были маленькие. Правда, Саша?

– Да, – говорит папа. – Теперь можно рассказывать.

– Мам, – спрашивает Серёжка, – а как же ты жила в блокаду, когда твои родители умерли?

– Жила. У меня была детская карточка. Люди мне помогали. Тётя Надя, например.

– Какая тётя Надя?

– Наша соседка, Надежда Петровна.

– Она?

– Конечно.

– Мама, – говорю я. – Ведь она же сердитая.

– Ну и что же? Сердитая она и тогда была. Но зато хорошая. Я ей, знаешь, как обязана...

Вот это да! Тётя Надя помогала маме! Значит, она только для виду всегда ругается, а на самом деле хорошая? А всё-таки страшно было, наверное, в блокаду!

– Папа!

– Что тебе, Марья?

– А тебе страшно было в блокаду?

– Конечно.

– А почему «конечно»?

– Всем бывает страшно.

– И героям?

– И героям.

– А почему же они герои?

– Потому что не слушаются своего страха.

– И ты не слушался?

- Да, пожалуй.
- Ты, значит, герой?
- Ну, нет. Я человек – и всё.
- А я человек?
- Надеюсь.
- И я тоже не буду слушаться своего страха?
- Конечно.

Сидим мы на полянке, кругом лес. Велосипеды наши составлены вместе и поэтому не падают. А мы сидим и разговариваем. Отдохнём здесь, разберём велосипеды и поедem по лесной дороге. Впереди Серёжка, за ним папа, потом мама, а за ней – я.

Может, я отстану и останусь одна в лесу. Но я не буду слушаться своего страха. Потому что я человек – и всё. Это мы раньше всего боялись, когда были маленькие. А теперь мы уже не маленькие. С нами обо всём можно разговаривать. Вот как.

Оглавление

Часть первая. *ОСЕНЬ*

Мы с Серёжкой	4
Наша школа	7
Как Серёжка спекулировал	12
Нам скучно	19
Галя Беликова	25
Генеральная уборка	33

Часть вторая. *ЗИМА*

Бабушкина внучка	44
Подлость	48
Мы идём на лыжах	56
Жёлтая старуха	63
Восьмое марта	71
Ссора	78

Часть третья. *ВЕСНА*

Саша Бубнов	86
Как мы ходили в гости	96
Серёжка и Тыкалка	104
Проклятые лампочки	113
Папина музыка	117
Каникулы	124

Часть четвёртая. *ЛЕТО*

Наш ребёнок	130
Как мы обедали в столовой	138
Велосипед	146
Длинный Генрих и Толстая Маргарита	153
Маринка-корзинка	161
Папа, мама и мы с Серёжкой	169

Литературно-художественное издание
для младшего и среднего школьного возраста

Долинина Наталья Григорьевна

Мы с Серёжкой близнецы

Художественный редактор А. Н. Корниенко

Технический редактор Н. В. Савостьянова

Компьютерная верстка А. Ю. Анненкова

Корректор М. В. Серебрянцева

Подписано в печать 21.07.2013. Формат 60×84^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.

Усл. печ. л. 9,2. Уч.-изд. л. 9,5,.

Тираж 3000 экз. Изд. № 1147. Заказ № 1792.

ЗАО «ЭНАС-КНИГА».

115114, Москва, Дербеневская наб., 11.

Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru

<http://www.enas.ru>

Распространение издания
осуществляет ООО НЦ «ЭНАС».

115114, Москва, Дербеневская наб., 11.

Тел. (495) 913-66-20. E-mail: real@enas.ru

Отпечатано с электронных носителей издательства.
в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, проспект Ленина, д. 5.

6+

 **TORONTO
PUBLIC
LIBRARY**

37131 162 372 015

ПЯТАЯ

ЧЕТВЕРТЬ

За учебный год с ребятами в школе происходит столько увлекательных историй, что их хватило бы ещё на одну четверть.

Серия «Пятая четверть» – это повести замечательных советских писателей о нескучных школьных буднях и долгожданных каникулах.

Восьмилетние близнецы Маша и Серёжа всё делают вместе – ходят в школу, учат уроки, гуляют во дворе, болеют свинкой. Они кажутся такими одинаковыми, но на самом деле у ребят очень разные характеры. И они постоянно доказывают это окружающим!

ISBN 978-5-91921-233-1

9 785919 212331

T2-BSC-198

